

елена сазанович

**п е р е
в е р
н у
т ь и**

М И Р

иная судьба

Иная судьба

Елена Сазанович
Перевернутый мир

«Елена Сазанович»

Сазанович Е. И.

Перевернутый мир / Е. И. Сазанович — «Елена Сазанович»,
— (Иная судьба)

«Перевернутый мир» – серьезная философская притча о продаже души и в сущности о её продажности. Наверное, любой хоть раз в жизни продавался или «вёл переговоры» на этот счет. Таковы сегодняшние реалии. Это же случилось и с главным героем романа, когда он решает предать и продать свой свободный зелёный мир за «успешную и благополучную жизнь». И платит за это немалую цену, которая равна позору, унижению, раболепству и в конце концов – падению на самое дно, откуда он всё же попытается выбраться. Но возможно ли это, если сделка уже свершилась?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Сазанович

Перевернутый мир

Часть первая ЛЕСНОЙ БОГ

Я никогда не верил, что человек может быть одинок в большом городе. Наверное, потому что никогда в таком городе не жил. Издалека мне казалось, что сбежать от одиночества можно. И бежать от одиночества нужно именно в столицу. Стоит только окунуться в толпу, услышать постоянный визг машин, ослепнуть от мигающих неоновых огней супермаркетов. И спрятаться наконец-то от одиночества.

Я и понятия не имел, что здесь, в огромном городе, одиночество еще более страшное и еще более безнадежное. Вырваться из него гораздо труднее. Потому что им заражены все. Эта болезнь точит людей изнутри, хотя в этом никто не признается – даже самому себе. Все суетятся, мечутся, нагружают себя искусственными заботами, проблемами и делами, боятся свободных минут, потому что не хотят оставаться с собою наедине. И признаться себе в одиночестве. Именно в этом шумном многомиллионном муравейнике я понял, что город – сам по себе одиночка. И каждый человек в нем также одинок.

Если бы меня раньше спросили совета – где можно по-настоящему побыть одному, я бы наверняка без раздумий ответил: на природе. Сегодня я без всяких сомнений посоветовал бы снять квартиру в столице, желательно на каком-нибудь многолюдном проспекте или с видом на шоссе. И пожить там пару-тройку дней... И все. Больше бы у меня совета не спрашивали.

Ведь только теперь я понимаю, что на природе один не бываешь. Потому что природа не оставляет человека одного. Природа умеет задавать вопросы и отвечать на них, она умеет слушать и умеет понимать. В лесу обязательно встретишь какого-нибудь заблудившегося грибника. И он непременно посидит с тобой у костра, выпьет «по пятьдесят» и послушает твою историю об удачной (или не очень удачной) жизни. Или расскажет свою. Толпа не слушает историй и не рассказывает их. Толпа людей мало отличается от механического стада машин. Те же дороги, те же светофоры, та же сумасшедшая спешка...

Такие мрачные мысли нагнала на меня весна. Ее приход в городе я воспринимал болезненно. Да и вообще – разве это весна?

Я сидел у окна и пустыми глазами смотрел на проспект, который утюжили грязные машины. По месиву из почерневшего снега и вчерашнего мусора бодро шагали грязные ботинки и сапоги. На прохожих с крыш домов постоянно лились мутные струйки талой воды. Облезлая ворона уселась на подоконнике и вызывающе каркнула. Ее нервный крик стал последней каплей моего отчаяния, и я, схватив кепку, выскочил на улицу и слился с толпой, думая, что так мне станет легче. Легче не стало. Разве что отвел душу, поругавшись с каким-то длинноносым мужиком, грубо столкнувшим меня в лужу. Он напоминал ворону, и мне захотелось выстрелить в него из рогатки, хотя рогатку я не держал в руках даже в раннем детстве.

И в который раз я почувствовал себя киплинговским Маугли, попавшим в чуждый и враждебный мир, который все больше и больше ненавидел... Что ж, я сам заслужил то, о чем так долго мечтал в своей лесной сторожке, сидя у раскаленной печки и прислушиваясь к щебету птиц и шуму многовековых сосен. Я получил то, о чем знал лишь понаслышке – из газетных статей, болтовни своего маленького черно-белого телевизора и по рассказам случайных приезжих.

Я бред, понурился, под моросившим дождем и думал, что там, в оставленном, теперь таком далеком, моем мире даже весна другая. И встречал я ее по-другому.

Она приходила почему-то в один день. Я распахивал настежь двери сторожки, и мы с моим верным другом, совсем уже старым псом Чижиком выбегали на крыльцо. И солнце, совсем еще робкое, освещало кроны деревьев, и воздух, свежий, пахнувший сосновой смолой и пробивающимися почками, сбивал с ног.

– Ну что, Чи-и-жик! – кричал я.

А эхо мне отвечало:

– Жик, Жик...

– Ну что, мой старый дружище! Пальнем!

И я делал три выстрела в воздух из начищенного до блеска охотничьего ружья. Чижик радостно лаял. А птицы шумно взлетали с веток, напоминая маленькие бумажные самолетчики.

– Ну вот и все, дружище. Наконец-то пришла весна. Ты ее слышишь?

Чижик принялся, щурил свои узкие глазки и лаял еще громче. Он ее слышал.

В то время рыжий пес Чижик был единственным моим собеседником. То ли к старости у него стала расти борода, то ли он просто хотел подражать мне во всем. И я стал этим тяготиться. И все чаще жаловался ему на одиночество, на жизненное однообразие и пустоту. Чижик смотрел на меня умным взглядом, чуть прищурившись и склонив голову, а я все разглагольствовал: как это мало, когда в жизни единственный близкий друг – это приболудный рыжий пес... Только сейчас я понял – как это много.

Чижика я потерял тоже весной. Он ушел однажды утром и не вернулся. Его уход стал последней точкой в моем решении. Решении уехать. Наверно, Чижик понимал это, потому и решил дать мне этот шанс.

Впрочем, мысль об отъезде зародилась у меня гораздо раньше той весны. Возможно, даже несколько лет назад, когда я сидел у костра, палкой перекачивая картошку в потухающих углях. Чижик нетерпеливо бегал вокруг костра и облизывался.

– Ну-ну, потерпи, дружище. Сейчас мы с тобой классно отужинаем.

Я вытащил из рюкзака спелые сочные помидоры, зеленый лук и стал нарезать меленькими ровными кусочками свежее розовое сало, ароматно пахнущее кориандром.

Чижик громко и зло залаял.

– Ты обнаглел, друг, я, между прочим, голоден не меньше тебя.

Но Чижик не успокаивался. Его лай становился все громче и злее.

Я наконец-то оторвался от своего кулинарного занятия, подняв голову. И от неожиданности вздрогнул. Передо мной стоял незнакомец в кепке, зеленой ветровке и рваных джинсах. Я машинально схватился за ствол охотничьего ружья.

В вечерней лесной тишине раздался звонкий девичий смех. Незнакомец, вернее, незнакомка сняла кепку и встряхнула длинными пышными волосами.

– Как страшно, – вызывающе сказала она. – А что, вы бы и впрямь выстрелили?

– Только в крайнем случае, – от неловкости зло огрызнулся я.

– Неужели так легко пальнуть в человека? – продолжала дразнить меня девушка.

– Нет, это нелегко, – серьезно ответил я.

– А вы охотник, да?

Я на минуту задумался.

– Пожалуй.

– И много вы убили медведей и волков? – Девушка присела на корточки возле костра.

– Ни одного, – отрезал я. – Ни одного живого существа я не убил, слава богу.

– Значит, вы очень плохой охотник, – продолжала издеваться она.

– Я охотник на людей. На тех, кто может причинить зло всему этому. – Я обвел рукой вокруг себя. – К тому же я очень даже хороший охотник, и потому мне не пришлось стрелять даже в людей.

– Странный вы какой-то. И слишком серьезный, – вздохнула девушка.

Она присела на пенек, слегка покрытый мхом. Чижик по-прежнему тихо рычал на нее и суетливо бегал вокруг. Но незнакомка не обращала на пса никакого внимания. Это еще больше злило Чижика, ведь его не боялись.

– Ну-ну, успокойся, дружище. – Я схватил его за ошейник и силой усадил возле себя. – Вот так, сидеть и молчать. Здесь все свои.

Чижик мгновенно успокоился, хотя по-прежнему недоверчиво поглядывал на незнакомку. Он не считал ее своей.

– Вас все так легко понимают – с первого слова?

– Здесь – все. Чей лес – того и пень.

Девушка встала, внимательно осмотрела пенек и, рассмеявшись, вновь уселась на него, вызывая забросив ногу за ногу.

– И люди тоже?

– Люди... Пожалуй, нет... Хотя я мало знаю людей.

Я осторожно принялся доставать из золы печеную картошку. Чижик радостно завилял пушистым хвостом, приняв к горьковатому запаху и облизываясь.

– Нет, Чижик, первое угощение – гостю. Так положено. Будете? – Я поднял голову и стал откровенно рассматривать девушку.

Вообще-то я не мог не признать, что она была красива. Но красива какой-то запрограммированной, положенной, правильной, что ли, красотой. Словно кто-то заложил все данные новомодных журналов в компьютер, который в итоге и выдал «на-гора» нынешний стандарт красоты. Большие пухлые губы, раскосые светлые глаза, вздернутый носик, длинные ноги и тоненькая фигура.

– А знаете, – рассмеялась она, – вы типичный представитель лесного братства – лесник или егерь. Я другого и не представляла. Этаким бородатый, огромный, слегка неуклюжий мужик с обветренным лицом и грубыми руками.

Вот тебе на! Оказывается, я не менее стандартен. Впрочем, в этом люди мало отличаются от растений и животных. Нас легко можно классифицировать по родам и видам. Мир очень мал и не так разнообразен, как это может показаться на первый взгляд. Я это понял давно и именно здесь, на природе. Лес давно стал для меня моделью нашего мира. Тот же покой и те же войны. Те же хищники и те же жертвы... И гораздо позднее, в многомиллионном городе я убедился в своей правоте.

А сейчас я рассмеялся, и мой смех затерялся в кронах пробуждающихся деревьев.

– Вы смеетесь надо мной? – надула пухлые губы девушка.

– Нет, скорее над собой. Оказывается, не только люди, но и мысли довольно стандартны. Мы с вами такие разные, а подумали об одном и том же.

– Ага, понятно, значит, вы с первого взгляда меня разгадали. И кто же я?

– Скорее всего, актриса, – не раздумывая, ответил я. – Или, возможно, модель... Хотя нет, вам, наверное, нравится постоянно во что-нибудь играть. Так, сейчас вы играете роль заблудившегося в лесу путника, внезапно встретившего местного аборигена.

Девушка рассмеялась и откинула упавшие на лицо пряди светлых волос.

– А вот это нечестно, – капризно заявила она. – Вы прекрасно знаете, что здесь находится Дом творчества актеров. Поэтому ничего вы не угадали, а просто знали.

Да, я это знал. Поскольку охранял лесной заповедник и для них, и от них. И, частенько обедая в столовой актерского пансионата, наслушался много высокопарной болтовни о блеске, порывах, вдохновении и бурной жизни. Равно как и о разочарованиях, обидах и отчаянии. И то

и другое было мне чуждо. Всякий раз, когда какая-нибудь знаменитость (которую я, как правило, не знал, хотя должен был знать) говорила мне усталым тоном: «Вы знаете, я вам завидую. Всю жизнь прожить в лесу... Возможно, в этом и есть счастье. Не то что мы, грешники... Все суетимся, толкаем друг друга локтями и не находим времени побыть одному...» Я думал, что побыть одному всегда найдется время. В такие минуты мне хотелось сбежать от этого непонятного, суетливого, далекого мира в свою маленькую сторожку к верному другу Чижику, единственному, кто меня всегда понимал. К единственному, кого понимал я...

Впрочем, если быть справедливым до конца, то мне нравились многие обитатели этого дома. А с некоторыми я даже дружил. Мне доверяли тайны, зная, что дальше лесной сторожки они не уйдут.

Так, одна премилая старушка в большой яркой панаме как-то сказала, что ее мечта – сделать для меня костюм лесного бога. Она была костюмершей. Бывшей костюмершей. И не раз повторяла:

– У вас прекрасные данные для кино. Вы так естественны, молодой человек! Так просты! Как сама природа. Ведь когда мы ее снимаем на пленку, она ничего не играет. И, как правило, ее роль получается лучше всего.

Я смеялся в ответ и отчаянно кивал головой.

– Нет уж, Марианна Кирилловна, только не кино. Мое кино здесь. – Я обводил рукой свои зеленые владения. – И вы тоже часть этого фильма. Мне этого предостаточно.

– А жаль, – вздыхала бывшая костюмерша. – Город так портит людей. Особенно актеров. Они теряют ориентацию, чересчур легко разбрасываются своими мыслями и убеждениями. И в итоге превращаются в кукольных персонажей. За них приходится думать и за них придумывать жизнь. А это уже другой театр...

Марианна Кирилловна была единственным человеком, от которого мне не хотелось бежать. Напротив, каждый год я с нетерпением ожидал ее приезда. В наших местах она появлялась с точностью до одного дня. В своей огромной ярко-красной панаме. И в ее номере всегда красовался неизменный букет сирени. От меня. Как и все люди леса, я был немного сентиментален. И хотя не любил ломать кусты, для костюмерши делал исключение каждый год. В день ее приезда. Это была моя сирень, полыхающая пышными красками под окном сторожки. Эту сирень Марианна Кирилловна особенно любила. И всегда принималась искать цветок в пять лепестков в букете, неизменно находила и – по примете – съедала, чтобы сбылось какое-то желание.

– Какая варварская примета, – смеялась она приглушенно. – А как приятно. И главное, веришь, что твое желание обязательно сбудется.

– И сбывается?

– Вы знаете, Даня (она так называла меня), как ни странно, на вашей сирени я загадываю одно-единственное желание. Уже который год. И оно непременно сбывается. Так что берегите эту сирень. Она в некотором роде – мой талисман.

– А что вы загадываете, если не секрет?

– Секрет, безусловно! Хотя и довольно предсказуемый. Какое может быть желание в моем возрасте?! К тому же при моем абсолютном одиночестве.

– Если вас это утешит, Марианна Кирилловна, я тоже абсолютно одинок.

– Ну что вы, Данечка. В вашем возрасте человек не бывает одиноким, даже если он совсем один. У вас – еще много будущего и совсем мало прошлого. Тогда как у меня – все наоборот. К тому же на природе человек не бывает один. Он бывает один лишь в большом, очень большом городе. Вы не согласны?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Я не жил в большом городе.

– В таком случае вам вдвойне повезло.

– Но ведь вы можете приехать навсегда к нам или еще куда-нибудь, поближе к природе и подальше от одиночества.

– Да, могу. – Костюмерша на минуту задумалась, слегка поморщив и без того морщинистый лоб. – Как странно бывает, Даня. Уехать из большого города, по сути, гораздо легче, чем приехать и устроить в нем свою жизнь. И тем не менее в основном все приезжают...

– Ну, будьте же тогда исключением. Счастливым исключением.

– Данечка, Даня, – Марианна Кирилловна легонько похлопала меня по небритой щеке. – Живешь в основном там, где жить привыкаешь. Даже если привыкаешь к самому дурному. И потом, – она неожиданно рассмеялась и даже помолодела, – кому мне здесь шить костюмы? Ваше зверье, ваши пернатые и эта моя сирень в костюмах не нуждаются. Они совершенны. В костюмах нуждаются люди. Вы заметили, как часто любим мы менять одежду? Это потому, что не уверены в себе. А те, кто становится артистом, не уверены и недовольны втройне. И пытаются это компенсировать игрой в чужие жизни... Зверям и птицам это не нужно. И вам, Данечка, наверно, тоже. Вы все время, сколько я вас знаю, в одном и том же оперенье. Вы, как они... И все же, право, жаль, что я так и не сошью вам костюм лесного бога.

– Идемте, Марианна Кирилловна, я вам покажу лесных богов. Они не нуждаются в костюмах. И совсем на меня не похожи.

И в который раз мы шли прогуливаться по лесным тропам. Я рассказывал о цветах, деревьях, птицах и зверях. Об образцовых лесосеках, на примере показывая, как рубить лес с минимальным ущербом для него. Жаловался на самовольные порубки, на браконьеров. С пылким убеждением говорил о том, что хорошо знал. Лес был моим домом, где я родился в семье лесника. И, наверное, умру здесь... Так мне тогда казалось. А потом я слушал Марианну Кирилловну, которая с не меньшим вдохновением рассказывал об огнях Большого города. О его кознях, его недружелюбии, его страхах. И мне казалось, она очень тоскует о нем.

– Как странно, Данечка, там выживают, а здесь живут. Хотя, казалось бы, по логике вещей и природы, все должно быть наоборот. И все-таки жить бы мне хотелось только там. А вот умереть...

Мы остановились на пригорке, усыпанном белыми ромашками. Солнце медленно уплывало вниз, за горизонт, оставляя красные полосы на мягком лиловом небе. Бабочки кружились возле цветов и звонко стрекотали кузнечики. Мне запомнился этот вечер, и этот закат, и это прощание. Тогда я еще не знал, что навсегда.

– А вот умереть, – задумчиво повторила Марианна Кирилловна, – наверно, я бы хотела здесь. Могилы людей должны быть рассыпаны по полям, лесам, возможно, морям. Это как-то естественнее. Только не в городах. На природе смерть выглядит вовсе не страшной и даже логичной. А в городе нужно жить и выживать. Вы не находите?

Я пожал плечами, собираясь уже возразить, но она прервала меня:

– Не отвечайте. Вам еще рано думать о смерти. И все же умереть здесь было бы верным. Здесь каждый день что-то рождается, что-то умирает, но это не выглядит трагедией. Напротив, это предстает панорамой вечной, непрерывной жизни.

– Пожалуй, – согласился я. И наклонился возле зеленого лопуха, на котором уютно прилежалась маленькая желтенькая букашка. – Этому жучку жить всего один день.

Марианна Кирилловна наклонилась вслед за мной, внимательно разглядывая насекомое.

– Подумать только. Всего один день! Впрочем, этого бывает достаточно, чтобы ощутить всю полноту жизни. А бывает – и всей жизни мало, чтобы ее понять.

– Приезжайте на следующий год, Марианна Кирилловна. Я вас буду ждать.

Ее морщинистые щеки запылали. И она мило улыбнулась.

– Спасибо, Даня. Как ни странно, но вы, пожалуй, единственный человек, кто меня где-то ждет. Вот видите, мне не хватило целой жизни...

Подул легкий ветерок, букашка соскользнула с лопуха и растворилась в зеленой траве. Солнце по-прежнему катилось все ниже и ниже, оставляя за собой на небе алые следы.

А на следующий год, когда я принес охапку сирени в ее номер, маленькая шустрая горничная сказала, что Марианна Кирилловна не приедет.

– Не понял, – машинально ответил я, ставя цветы в трехлитровую банку.

– Да умерла твоя костюмерша. Царство ей небесное. – Горничная проворно перекрестилась.

Я сидел в номере Марианны Кирилловны, тупо уставившись на цветы.

А ведь мне казалось, что так будет из года в год – она приедет и увидит на тумбочке пышный букет сирени. Я по-прежнему слышал ее приглушенный тихий голос: «Данечка вы так похожи на лесного бога».

Я-то думал, что законы жизни везде одинаковы. Что за зимой идет лето, за дождем – солнце, и на голых ветках появляются почки. А потом все умирает, чтобы родиться вновь. Но Марианны Кирилловны уже не будет никогда. Ее похоронили в большом городе, хотя она и считала это нелогичным. Мне почему-то все время казалось, что похоронена она именно здесь, в этих местах. Возможно, потому, что я оказался для нее единственным близким человеком на этой земле. Единственным, кто ее по-настоящему жалел и любил. Я вдруг понял, что могилы не там, где похоронен человек, а там, где его всегда будут помнить.

Вечером я сидел в сторожке и поминал домашним калиновым терпким вином свою костюмершу.

Ветер усиливался. Громко и настойчиво барабанил в окно резкий дождь. Тихо и печально выл Чижики. Вдруг раздался грохот фрамуги, посыпалось разбитое стекло, и я услышал на улице сильный треск. А потом в одну минуту все стихло. Я выскочил на крыльцо. Под окном лежал раненый ветром куст сирени. Талисман костюмерши. Я стал быстро срывать под не утихающим дождем ветки с цветами. А утром отнес еще влажную сирень на пригорок, где мы прошлым летом прощались с Марианной Кирилловной, и бросил букет на траву. В сиреневых цветах заиграло весело солнце. Мне по-прежнему казалось, что похоронена она была именно здесь. Потому что это логично. Я нашел цветочек с пятью лепестками и проглотил его. Но желания не загадывал. Это была по-прежнему ее сирень, и ее желание, которое она мне так и не раскрыла. Но которое все же сбылось, даже после ее смерти...

Почему именно теперь, глядя на испачканное золой лицо незнакомки, я вспомнил костюмершу? Наверно потому, что девушка, как и Марианна Кирилловна, пришла из того, другого, непонятного и нежеланного мира. И пыталась, сама не ведая того, меня им заразить.

– Вы испачкались, – улыбнулся я девушке.

Она с аппетитом, как и положено на свежем воздухе, поглощала картошку с сочными помидорами и кусочками нежной грудинки.

– Ничего более вкусного в жизни не ела, – по-детски сказала она, угощая остатками сала Чижика. Но тот почему-то заупрямился и не брал из ее рук.

– Вот и все, – я затушил остатки костра и убрал мусор в рюкзак. – Идемте, я вас провожу.

Мы вышли на широкую лесную тропу. Нам было не о чем говорить, ведь мы были совсем незнакомы.

– Ну что ж, тогда познакомимся, – ответила на мои мысли девушка.

Я узнал, что ее зовут Лида, что она студентка театрального, что приехала сюда впервые, по настойчивой рекомендации бабушки.

– Вы бы знали, Даник, как она расписывала это место! Слово это маленький рай в окружении бесконечного ада.

– Вы разочарованы?

– Не знаю, – девушка пожала плечами, – еще не знаю. В любом случае, отдых есть отдых. Хотя, признаюсь, здесь скучновато. Местечко больше подходит для одиноких старушек.

– Я, в общем-то, не одинокая старушка. Но скучно мне никогда не бывает.

– Ну... Вы ведь вынуждены здесь жить. Это ваша работа.

Это моя работа. Охранять все живое и беззащитное. Но никто меня не принуждал. Впрочем, Лиде я не ответил. И молча протянул руку на прощание.

– Желаю вам приятного отдыха.

– Вы так говорите, словно мы никогда больше не увидимся.

Не знаю почему, но я действительно не хотел с ней больше встречаться. Мой внутренний, почти звериный инстинкт подсказывал, что от этой девушки нужно бежать. И как можно дальше.

– Вы разве не пригласите меня еще раз поужинать в вашем лесу? – обиделась она. Видно, эта девушка никогда не знала отказа.

– Я ужинаю в основном дома. А это... Чистая случайность. Скорее, прихоть моего разбалованного пса.

Девушка пожала плечами и, капризно хмыкнув, скрылась в дверях пансионата. А я облегченно вздохнул. Домой, скорее домой. И Чижик радостно побежал впереди меня, словно указывая правильный путь.

Но этот вечер не обещал быть спокойным. Дома меня поджидала Валька. Словно маленький пушистый зверек, она свернулась калачиком в углу старенького дивана. В моей избе было прибрано, свежо и аппетитно пахло жареным мясом – дело ее рук.

– Привет! – крикнул я ей.

Она вскочила с места и радостно бросилась ко мне навстречу.

– Данька! – закричала она. – Где ты был, гадкий разбойник! Я жду тебя целую вечность!

Чижик бросился к Вальке, лизал радостно ее ноги, высоко подпрыгивал на месте. Он ее очень любил.

Я, пожалуй, впервые не обрадовался появлению Вальки и осторожно освободился из ее цепких рук. Черт, ну и вечерок выдался. Ведь хотел же побыть один, со своими мыслями, так нет, целая вереница непрошенных гостей.

Валька обиженно надула губы и уселась на прежнее место. Мне стало стыдно. Она славная, милая девчонка, почти ребенок, и главное, по уши влюблена в меня. И мой звериный инстинкт в который раз подсказывал, что жениться мне нужно только на ней. Для каждого нарисована линия судьбы, и важно увидеть эту линию, идти по ней и никогда не отступать в сторону, тогда судьба и получится, возможно. Моим домом был лес, моими друзьями – звери и птицы, а моей женой должна стать непременно Валька.

Я уселся рядом с ней и ласково взял ее за руку.

– Ну же, Валенок, не дуйся.

Вальку я знал совсем ребенком. Она росла у меня на глазах, этакий сорванец: похожая на мальчишку, спортивная, ловкая. Она жила в соседнем поселке и была дочкой местного доктора Кнутова. Хотя совсем не походила на дочку доктора. Она лазила, как кошка, по крышам и деревьям, не раз срывалась и падала. Приходила домой в ссадинах и царапинах. Сколько помню, непременно на ее руках и ногах красовалась зеленка, которая словно превратилась в родимые пятна этой взбалмошной девчонки. Когда я вернулся из армии, то поначалу даже не узнал ее. Валька – всего за каких-то жалких два года – превратилась в хорошенькую девушку, хотя по-прежнему напоминала мальчишку. Маленькая, крепкая, с взъерошенными короткими волосами и россыпью веснушек на круглом лице. И все же она была другая. Узнал я ее по зеленым пятнышкам на острых коленках. Я часто ловил на себе ее жадный, горящий, почти взрослый взгляд. И не скажу, что он оставлял меня равнодушным. При виде нее не раз стучало

мое сердце и не раз горели ладони. Доктор Кнутов сразу все понял и однажды, появившись в сторожке, откровенно и без лишних предисловий заявил:

– Я вас очень уважаю, Даниил. Я знал вашего отца, вашу мать. У вас были очень честные, порядочные родители. Поэтому... В общем, Валечку я очень люблю. И конечно, хотел, чтобы она шла по моим стопам. Но вы знаете, какая это упрямец. Она мне заявила, что хочет жить в лесу, с вами. И ничего ей больше в жизни не нужно. Впрочем, я уважаю ее мнение, которое, кстати, может перемениться. Ведь жизнь не стоит на месте. И поэтому, если она так хочет... К тому же она неважно закончила школу и вряд ли сможет осилить такую сложную науку, как медицина. В общем, Даниил, как вы решите. Я вижу, вам моя дочь нравится. Но я, знаете ли, человек старой закалки и, возможно, по нынешним временам слишком устаревших взглядов. Поэтому только если вы на ней женитесь... На другое я не согласен.

– Мне нравится ваша дочь, Андрей Леонидович, – так же откровенно ответил я ему. – Но, думаю, она еще слишком молода. И действительно, все может измениться. В общем, я ничего дурного никогда ей не сделаю и не обижу ее. А там будет видно. Ведь мы почти друг друга не знаем. Только по детству. А тогда все было по-другому. И мы были совсем другими...

Таков был наш короткий разговор с доктором. А Валька, узнав про него от отца, тут же принялась делать все, чтобы мы узнали друг друга получше. Она часто бегала ко мне. И всюю изображала из себя хорошую хозяйку. Впрочем, она таковой и была. Жизнь вдвоем с отцом ее многому научила.

И теперь, глядя на россыпь мелких веснушек, копну лохматых волос, дешевый ситцевый сарафанчик в мелкую клетку, я почему-то невольно сравнивал ее с Лидой. И сравнение было далеко не в пользу Вальки. По сравнению с Лидой она выглядела слишком уж простовато, что ли. Хотя это было нечестно, несправедливо по отношению к ней. Валька – дитя природы, рожденное в этих полях и лесах, дитя поселка с его простенькими кирпичными домами. А природа не может быть усложненной. Природа всегда проста. И если смыть с Лиды краску, подстричь волосы, нарядить в деревенский сарафан... Она все равно останется Лидой. Потому что она из другого мира, сложного, непонятного и напыщенного. А это уже будет не в ее пользу.

Я виновато похлопал Вальку по разбитой коленке, замазанной зеленкой.

– Опять упала, Валенок? И когда ты только повзрослеешь?

Валька, не ответив, зашмыгала громко носом.

– А от тебя чем-то пахнет.

– Печеной картошкой. Мы тут с Чижиком поужинали в лесу. Пойду умоюсь. – Я привстал с места, но Валька с силой потянула меня за ветровку.

– Нет, не картошкой. Чем-то незнакомым, – она вновь зашмыгала носом. – Чем-то таким холодным, слишком красивым, почти неживым, что ли.

– Да ну тебя! – Я все же вырвался из ее цепких рук и резко встал с места, чтобы она не заметила моего смущения.

– Новый заезд в санатории, слышал? Говорят, в этом году много молодых приехало... И все артистки. Скукотища!

– Ты о чем?

– Знаешь. Никогда не хотела быть артисткой, а все хотят. И кино никогда не любила, а все любят. Мне кажется, они все несчастные. И сейчас, ты думаешь, они от хорошей жизни сюда приехали? Я сама слышала, что у них там, в больших городах, с парнями напряженка!

– Что ты знаешь о больших городах, глупенькая?...

– Ничего, – тут же согласилась Валька. – И знать ничего не хочу. Разве можно сравнить большой город и большой лес? Если б ты знал, как я городских часто жалею. Ведь они ничего не знают, ничего не понимают. Они думают, что жизнь так и может пройти вот так, в квартирах, в машинах, в магазинах. Боже, как это все грустно!

– Грустно, – машинально повторил я за Валькой.

Пожалуй, тогда впервые в моей голове зародился некий протест. Мне вдруг захотелось попробовать жизни в квартирах, машинах и магазинах. Хотя, возможно, эта мысль возникла еще при общении с костюмершей, когда я слышал ее грустные разговоры об одиночестве в Большом городе, который она так любила. И мне тогда, как и теперь, вдруг захотелось попробовать, физически ощутить то другое, непонятное одиночество и забраковать его. И я почему-то вспомнил Лиду. Как все-таки она красива, и как не похожа ее стандартная красота ни на какую иную. Впрочем, не стандартна ли Валька? Этаким лохматый бесенок с обветренным лицом, дитя леса, который кто-то справедливо назвал раем. Но мне он почему-то раем уже не казался.

Чижик грустно смотрел на меня и не вилял хвостом. Чижик, мне кажется, догадывался, что творится в моей бунтующей душе. И я поцеловал его в рыжую морду. Мне так не хотелось его предавать.

– Давай, Даня, ужинать, – предложила Валька. – Я такую вкуснотищу состряпала! По одному французскому рецепту – называется «Селяви».

Я наотрез отказался. Я был по горло сыт – и ужином, и сегодняшним вечером. От Валькиной стряпни я отказался впервые. И она ушла, обидевшись. А я еще долго лежал напротив окна и наблюдал за мигающими яркими звездами. Ими было усыпано все небо. Их было так много, и они были так похожи, что я подумал – неужели, если кто-то наблюдает за нами с другой планеты, видит людей такими же одинаковыми и безликими? Впрочем, может, это и так...

А следующим утром мне неожиданно пришло послание от Лиды. Его принес мальчишка, сын сторожа пансионата. Мишка хитренько мне подмигнул и торжественно вручил записку. И замер в ожидании, когда я ее прочту. Подперев руки в боки, он наблюдал за моей реакцией. Мои глаза лихорадочно бегали по аккуратненьким буквам.

«Здравствуйте, лесной дикарь! Я сегодня буду загорать на озере, возле засохшего дуба. Пожалуй, вам следует пройти мимо этого привлекательного для браконьеров местечка. Вдруг они оглушат всех золотых рыбок. Лида».

Я поднял глаза и столкнулся с лукавым взглядом Мишки. Он, видимо, уже успел выучить эту записочку наизусть, пока бежал ко мне. И похоже, собирался читать ее, как стихи, по памяти всем обитателям Сосновки.

– Ну и?... – его глаза возбужденно блестели. Мишке не терпелось узнать, как дальше будут развиваться события. Ведь событий в деревушке было так мало.

– Что – ну и? – я чуть ли не кричал на него. – Отвлекают с утра от работы! Какие-то непонятные записочки подкидывают! Что за идиотизм! Вот расскажу отцу, чем ты тут занимаешься, будешь знать, – пригрозил я Мишке для большего устрашения кулаком. Но он не испугался, продолжая нахально лыбиться. Вообще-то мы с Мишкой были хорошими друзьями, и он прекрасно знал, что я ничего никому не расскажу.

– Расскажу отцу, ей-богу, Мишка, – уже неуверенно повторил я.

Впрочем, отца Мишка боялся так же, как и меня.

– Да ладно тебе, Данилка, я сам ему все расскажу, с удовольствием!

У меня от такой неслыханной наглости перехватило дыхание.

– Ну, так будешь отвечать или нет? – Мишка сверлил меня хитрыми круглыми глазками.

– И не собираюсь! Какой-то разбалованной девице вздумалось загорать, а я-то при чем?!

– Ну, тебе виднее. К тому же она пишет, что там бывают браконьеры... Может, проверишь, а?

Это было уже издевательством. Браконьеров на озере быть не могло, потому что там ловить нечего. Рыба водилась в реке, в заповедной зоне. А этот искусственный водоем был вырыт специально для артистов, отдыхающих от славы в пансионате.

Я схватил камешек с земли и замахнулся в шутку на Мишку.

– А ну дуй отсюда!

Мишка отскочил в сторону.

– Зря не ответил! Ну ладно, Дон Жуан, пока! И все же советую.

Я несильно бросил камешек вслед Мишке.

– И не вздумай болтать всякую чушь!

– Нем, как золотая рыбка! – уже издали раздавался насмешливый голос Мишки.

Этим днем я был выбит из седла. Бессмысленно бродил по лесу, пожалуй, впервые не наслаждаясь его красотой и силой. Не слышал пения птиц, стрекота кузнечиков. Лишь машинально проверял свои владения, собирал мусор в мешки, искал поврежденные ветром деревья и кустарники, заглядывал в гнезда и норы. Мои мысли были где-то далеко-далеко, и сам я не мог понять где, и не мог за ними угнаться. Я все время сворачивал с одной тропы на другую, подальше от выхода к озеру. Тем не менее какая-то предательская тропа меня вывела именно к водоему. Впрочем, возможно, туда вывели меня мысли.

Озеро блестело на солнце, как огромное хрустальное блюдо, на котором, словно апельсины, плавали ярко-желтые кувшинки. Его, как мухи, облепили отдыхающие. Слышались крики и хохот. Кто-то играл в мяч, кто-то плавал, кто-то просто безжизненно валялся на берегу, подставив тело яркому солнцу. Это был не мой праздник, на нем я точно посторонний.

Я затаился среди развесистых ветвей ели. Мой взгляд бегал по персонажам чужого праздника и не находил нужного мне героя, вернее, героиню. А она ждала меня возле старого засохшего дуба. Как и написала. Но я не видел ее из своего укрытия. Лишь черные, голые ветви погибшего дерева. И маленькую фигурку, почти точку под ними. Как околдованный, я впился взглядом в эту точку и стал потихоньку приближаться. Чего я ждал? Я не знаю, во всяком случае, мое терпение было вознаграждено. Точечка стала увеличиваться в размерах и в конце концов приобрела реальные очертания. Я увидел Лиду.

В это утро она выглядела необыкновенно красивой. И я признал, что был тысячу раз не прав, когда назвал ее красоту стандартной. Гибкое, как у лани, тело блестело на солнце. Длинные пышные волосы весело колыхались на ветерке. Она небрежно сбросила вьетнамки и вошла в воду. Мое сердце бешено заколотилось. Я боялся, что его оглушительные удары услышат на берегу. Но никто даже не обернулся в мою сторону. «Меня околдовали, меня околдовали», – стучало мое сердце. «Тебе нужно уходить», – вторил ему разум. Но я не уходил. Мои ноги словно приросли к земле. Колючие еловые лапы пытались меня спасти, больно царапая по лицу. Но я не очнулся.

А Лида медленно заходила в воду. Но почему-то не плыла. И вдруг прямо перед ней вынырнул, словно большая рыба, какой-то парень. Даже издали я заметил, что он безупречно красив. Белые волосы удивительно гармонировали с загорелым спортивным телом. «Этакий герой из музыкального клипа», – пронеслась в моей голове злая мысль.

И все же я не мог не признать, что Валенок ошибалась. В больших городах с парнями все в полном порядке. Что он и сумел мне продемонстрировать, тут же подхватив Лиду под руки и бросив в воду. Похоже, этот клиповый герой пытался научить ее плавать. И Лиде это очень, даже слишком нравилось. Она хохотала, изображая дрянную ученицу, цеплялась за шею парня и тянула его за собой в воду. Мне вдруг показалось, что истина другая. Что девушка должна чувствовать себя в воде как рыба. Что все это театр, спектакль, в котором играют настоящие актеры. Только для чего и для кого? Это мне было непонятно. Никто на них не обращал внимания. Единственным зрителем был я, но они-то ведь этого не знали. И я, благодарный зритель, смотрел, как они барахтаются в воде и хохочут. Парень вновь нырнул, появившись через минуту с ярко-желтой кувшинкой в зубах. И тут же ловко вдел ее в пышные волосы Лиды. Мокрая кувшинка заиграла на солнце разноцветными красками в красивых Лидиных локонах. Околдовала...

Я встряхнул головой и зло сплюнул. Черт, не зритель, а обыкновенный болван. Что я здесь в конце концов делаю?! Колючая еловая лапа вновь больно царапнула меня по лицу, и я со всей силы сжал ее в руке. Посыпались зеленые иголки. Ладонь горела. И я очнулся, словно

после глубокого сна. Приворот завершил свое наркотическое действие. Мне стало стыдно за себя, за то, что я прячусь в гуще деревьев и слежу за чужой жизнью (или чужим спектаклем, какая разница?). Как я вообще смею думать о такой девушке, как Лида? Я должен знать свое место. Оно здесь, где я чувствую почву под ногами. Я даже топнул пару раз по земле. Земля прочно держала меня. И я виновато погладил еловую ветку... Домой, конечно, домой. Что может быть лучше и что может быть вернее?

Дома меня ждал обиженный Чижик. Он смотрел на меня грустным взглядом. Я впервые не взял его с собой.

– Не смотри на меня так, Чижик. Мне и без тебя плохо. Но даю тебе честное слово больше там не появляться.

Чижик завил хвостом и благодарно лизнул мою руку.

Ночью я, все так же вглядываясь в ночные звезды, думал о Лиде. И ревность обжигала мое сердце. И щеки мои горели. Пусть будет так. Дал слово – держи. Я успокоился и тут же уснул.

Однако следующим же утром нарушил данное честное слово. И вновь, как пригвожденный к земле и прикованный цепью к дереву, стоял на том же месте и наблюдал за праздником, на котором был по-прежнему таким чужим. Но мне чужим быть уже не хотелось.

А Лиду по-прежнему учил плавать клиповый герой. И ей по-прежнему это нравилось. Она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, которого хотелось защищать и оберегать. Так хотелось прижать ее мокрое тело к своей груди, провести рукой по мокрым путаным волосам. Но за меня это делал другой. Наверняка с ним она и приехала. И от беспомощности я до боли сжимал кулаки. К закату солнца чары рассеивались, и я понуро брел домой, уже не желая этого дома. Я брел в свое одиночество, в свою звездную ночь, чтобы вновь думать о Лиде. И в очередной раз клясться Чижика, что утром следующего дня слово свое не нарушу. И вновь его нарушал. И на третий день, и на четвертый.

В один из них (уже плохо соображая, что делаю) я решил навеститься в Сосновку.

– Пойдем, Чижик, проведем Валенка. Что-то она давно не забегала. Наверняка обиделась. Я вел себя, как последний осел.

Чижик со мной полностью согласился, особенно по поводу последнего.

Я же поймал себя на мысли, что совсем не хочу видеть Вальку. Что не знаю, как вести себя с ней и, тем более, что говорить ее отцу. Поэтому, когда соседи сказали, что они уехали дней на десять в райцентр, я искренне обрадовался. И наконец признался себе, что шел совсем за другим.

Я невольно замедлил шаг возле перекошенного дома, в котором жил мой приятель Мишка. Мне не терпелось встретиться с ним. Ведь он был единственной ниточкой, связывающей меня с Лидой. Он один знал нашу тайну и на сегодняшний день оказался самым близким мне человеком.

Мишка беззаботно развалился на крыльце и щелкал семечки. Моей радости не было предела. Но на лице я изобразил полное безразличие.

– Привет, Мишка, – устало протянул я, останавливаясь возле забора.

– Привет, – Мишка хитро сощурился и в очередной раз плюнул.

– Ну и как они... Дела?

– Да вроде бы ничего, – Мишка отвечал односложно, но я чувствовал, что он меня дразнит.

– Чего расплевался! Уже весь двор замусорил! Кто за тебя подметать будет! – Я начинал злиться.

– Мать подметет, – ехидно ответил Мишка и вновь сплюнул щелуху.

– Мог бы и подняться, когда со старшими разговариваешь.

Мишка нехотя поднялся, оставив свои семечки, и, забросив руки в карманы, качающейся походкой, как матрос, медленно приблизился к забору.

– Ну чего прицепился, Данька? Говори сразу, чего надо!

– Да ничего мне не надо, с чего ты взял, что мне что-то от тебя надо? – Я пожал недоуменно плечами. – Просто вот шел к Вальке, а она уехала. Да и ты давно не заглядываешь, случилось что?

– Времени нету! – важно ответил Мишка. – Знаешь этих приезжих. За ними нужен глаз да глаз. А в этом году столько молодых приехало! Вот они и веселятся с утра до вечера! Я даже на танцы к ним ходил.

– Бездельники, вот и веселятся!

– Может, и бездельники! Но такие красивые! – Мишка уставился на меня, ожидая очередного вопроса.

– А мне-то что, у меня дел по горло! – Я провел ладонью по шее для убедительности. – Вот и сейчас, заболтал ты меня, чушь всякую мелешь, а меня дома ждет куча дел! Эти бездельники еще гляди – лес перепалят! – Я разозлился не на шутку и, резко повернувшись и даже не попрощавшись, двинулся прочь.

Мишка не ожидал, что я так резко уйду, не доставив ему удовольствие рассказать местные сплетни. И тут же выскочил за калитку и закричал:

– Эй? Данька! погоди!

Я нехотя остановился.

– Дурак ты, Данька! Все проморгал! Эх, если бы я был на твоём месте! Если бы мне такую записочку! Да от такой красотишки...

– Интересно, что это я проморгал?

– Дурак ты, Данька! Я сам видел, как она целовалась с другим! С таким красавчиком! Я его в каком-то клипе видел! Дурак ты! Тебе нужно поболее в народе гулять. В лесу люди лысеют, а в людях лудеют! Гляди, уже скоро лысина засветится на макушке!

Мишка все это выпалил на одном дыхании и тут же, в одну секунду, скрылся за воротами от меня и от греха подальше.

– В людях люди становятся людоедами! – только и успел я крикнуть вслед мелькающим пяткам Мишки.

Мишкина новость добила меня окончательно. Я ходил из угла в угол по своей сторожке и не находил себе места. Со мной ничего подобного в жизни не случилось. Я всегда гордился, что могу себя держать в руках. Сегодня же мои руки совершенно обессилели и почва уходила из-под ног. Неужели это и есть любовь? Тогда почему так больно?

Чижик умоляюще смотрел на меня, ожидая очередного честного слова, что глупости больше не повторятся. Но в этот раз я ничего Чижиху не пообещал. Чижиху было больно не меньше моего.

Следующим днем я наотрез отказался быть зрителем и, едва увидев Лиду под засохшим дубом, тут же решительно, почти зло направился к ней.

– О, это вы, дикий человек! – Она слегка приподнялась на локтях. – А я-то думала, мы распрощались с вами навсегда.

– Как видите, нет. – Я злился на себя, на свою слабость, на свой лесной мир, в который Лида не могла войти и принять его не могла. Что я вообще делаю рядом с этой богиней! Я чувствовал себя настолько нелепым рядом с ней. Действительно, дикарь. Неуклюжий, здоровый, бородатый. «Домой, скорей домой», – прозвучали в моей голове волшебные слова, которые всегда выручали меня в трудных ситуациях.

Лида словно почувствовала мое намерение поскорее сбежать и остановила:

– Садитесь рядом.

Я от неожиданности бухнулся прямо на землю. Она была так близко. Это загорелое гладкое тело, эти пухлые чувственные губы, на которых играла приветливая улыбка. Эти влажные волосы... У меня перехватило дыхание. Слова застряли в горле. И в знойном воздухе, как грозовое облако, повисло тягостное молчание.

– Будет дождь, – выдавил я наконец самое умное из того, что пришло в голову.

Лида опрокинула голову вверх, вглядываясь в душное небо.

– Вы предсказываете погоду?

– Предсказывают гадалки. А я знаю.

– А что вы еще знаете? – Лида откровенно смотрела в мое лицо. И я смутился. Хорошо, что я зарос бородой, иначе она непременно заметила бы, как я покраснел.

– Ну же, – торопила она меня. – Что же вы еще знаете?

Мне так хотелось ответить, что я знаю наверняка, что люблю...

– Знаю... Знаю, что если среди лета появляются на деревьях желтые листья – к ранней осени и зиме, – запрокинув голову, я посмотрел на корявые черные ветви дуба. На нем не было и не могло быть ни одного листочка.

– А еще?

– Еще... Еще скоро день Прокла Плакальщика. Говорят в народе, что на Прокла после росы промокло. В это время роса особенная, целебная. Она помогает от многих болезней. А если умоешь ею глаза – станешь лучше видеть.

– Еще, – дразнила она меня.

Я осторожно прикоснулся к уродливым ветвям дуба, словно боялся его ранить. Хотя ранить мертвого невозможно.

– Знаю, что под этим дубом часто сидят те, кто влюблен.

– Неужели? – Лида всплеснула ладонями. – Ну же, рассказывайте, мне так интересно. Это дерево приносит счастье?

– Смотря кому. Только тем, кто влюблен по-настоящему. Оно... Ну, как бы умеет угадывать настоящую любовь. Так говорят старожилы. Дерево погибло много веков назад, в него попала молния. А однажды, когда под ним целовались влюбленные, на засохших черных ветках выросли зеленые листья. И эти молодые люди были счастливы до конца жизни. Вот многие сюда и приходят, чтобы удостовериться в истинности своей любви. И ждут, появится ли на мертвом дереве молодая зелень.

Лида смотрела на меня широко раскрытыми глазами, совсем по-детски.

– И вы... Вы сидели под этим дубом?

– Приходилось, – как можно небрежнее бросил я.

– И... И видели зеленые листочки? – В ее вопросе прозвучал испуг.

Я отрицательно покачал головой. А Лида облегченно вздохнула.

– Это редко случается, – философски заметил я. – Разве кто-нибудь может быть счастлив в любви целую жизнь?

– Не знаю...

Мы загадочно, как и требовала ситуация, замолчали. И молчание уже не зависало над нами, как грозовое облако. Оно было легким и приятным, как ветерок в знойный день. А я подумал, какой бес попутал меня придумать эту мелодраматичную историю. Что-то не замечал раньше за собой способности к сочинительству. Я посмотрел на Лиду. Она грустно вглядывалась в черные погибшие ветви дуба. Что ж, видимо, я неплохой сочинитель. Лида мне поверила.

Наше молчание перебили крики, доносящиеся с берега.

– Лидка! Идем, Лида! – молодые люди размахивали руками, зазывая девушку к себе. – Лида! Скоро начнется дождь! Идем, Лида!

Белокурый красавчик не выдержал и мгновенно очутился возле нас. На меня он даже не обратил внимания. Я был для него вроде засохшего дуба и удачно вписывался в лесной пейзаж.

– Лидок, бежим, ты видишь, какие тучи.

Вблизи он оказался еще красивее. Я подумал, что такая девушка делает рядом со мной? И недоуменно взглянул на Лиду.

– Иди, Эдик, иди, я вас догоню.

Наконец он удостоил меня вниманием.

– А, знаю, – довольно приветливо улыбнулся он, – вы местный лесник? Что ж, Лиде будет полезно с вами пообщаться. Ей ведь предложили роль лесной колдуньи. А она ни черта не смыслит в природе. Дитя города, так сказать.

– Иди, Эд, иди, – уже настойчиво повторила девушка.

– Надеюсь, вы доставите наш молодой талант в полной сохранности? – не унимался клиповый герой.

– Я-то доставлю. А вот вы поторопитесь. – Я с деланной тревогой обернулся в сторону леса. Ели и сосны, погруженные в сумрак, сильно раскачивались на порывистом ветре. Зловеще кричал филин. Черные вороны тревожно кружились над самыми кронами деревьев. И я могильным голосом прогудел прямо Эдику в лицо: – Как у нас говорят: ходить в лесу – видеть смерть на носу.

Эдик вздрогнул, машинально взмахнул на прощанье рукой, и его словно ветром сдуло. Это был не клип, где он мог сколько угодно изображать из себя супермена. Это была природная стихия, в которой он ни черта не смыслил. И которой боялся.

– Он неплохой парень, – виновато сказала девушка, хотя я так и не понял, в чем она виновата.

– Он прав, ваш неплохой парень. Сейчас хлынет дождь. А на Самсона дождь – семь недель дождь. Нам нужно успеть спрятаться хотя бы сейчас. – Я посмотрел на темное небо, все ниже и ниже опускающееся на землю.

Спрятаться мы не успели. Ливень застал нас на середине пути. Я набросил свою ветровку на плечи Лиды, и она в ней почти утонула. Мы бежали по мокрой траве, грязь растекалась под ногами, а резкие струи дождя хлестали нас по лицу. Тревожно кричали птицы, могучие ели, как пьяные, шатались из стороны в сторону. Становилось все темнее и темнее; казалось, что небо вот-вот рухнет, и мы погибнем под обломками туч.

– Мне страшно, Даник, мне страшно! – кричала Лида, захлебываясь дождем и ветром.

– Не бойся, Лида! – кричал я в ответ. – Все будет хорошо! Здесь нас ничто не тронет!!! – Я крепко схватил Лиду за руку и сквозь разбушевавшуюся стихию тащил за собой.

Позднее, когда мы, промокшие до нитки, грелись в моей сторожке, Лида спросила:

– А почему ты был уверен, что нас ничто не тронет? Ведь любое дерево могло свалиться на нас! Запросто!

Девушка сидела в моей майке на диване, скрестив ноги по-турецки, и наслаждалась горячим глинтвейном, который я приготовил из трав и домашнего вина.

– Неужели непонятно? Своих не трогают. А я в лесу свой. К тому же, запомни хорошенько, беда не по лесу ходит, а по людям.

Лида бросила на меня встревоженный взгляд.

– Надеюсь, это не про меня? И разве люди приносят только несчастье?

Я взъерошил свои мокрые волосы и широко улыбнулся.

– Нет, не только. И сегодня я это понял...

– Боже, как хорошо, – выдохнула она. Ее глаза блестели, и на щеках появился легкий румянец. – Как хорошо вот так промокнуть, продрогнуть, а потом греться горячим вином в твоей сторожке. Ты счастливый.

– А ты?

Она на секунду запнулась.

– Я? Пожалуй, да. Сегодня я по-настоящему счастлива.

Я укутал ноги девушки пушистым пледом и присел возле нее на корточках.

– Скажи, Лида, ты и впрямь будешь играть лесную колдунью?

– Да, а что? – она слегка смутилась.

– И для этого я тебе понадобился?

Лида звонко расхохоталась. Оказалось, что я обожал ее беззаботный смех!

– Какой же ты большой и глупый! А если бы лесник оказался столетним дедом? Неужели ты думаешь, что ради роли я с ним целовалась бы?!

– А со мной разве ты уже целовалась? – я искренне удивился.

– Да, в мечтах, – откровенно ответила она, и ее горящие глаза взволнованно бежали по моему лицу. – А наяву нет. Но разве это трудно исправить?

– Легко, девочка моя, очень легко... – Я нашел ее горячие губы, и на моих губах остался привкус лесных трав и лесной стихии, которая нас сегодня соединила. Надолго ли?

Чижик безжизненно лежал на пороге. Он за весь вечер не проронил ни звука. И только когда я вышел проводить Лиду, Чижик жалобно заскулил вслед. Мне показалось, он плачет.

Всю дорогу мы шли молча. Я пытался подобрать все нежные слова, которые знал, и даже парочку сумел выдать из себя, но Лида резко меня прервала.

– Не нужно, – довольно грубо отрезала она. – Ты не умеешь говорить красивые фразы и читать стихи не умеешь. Это и не к чему. Я их за всю жизнь знаешь сколько наслушалась?!

– Сколько? – хмуро спросил я.

Лида мне не ответила. Казалось, она вообще не желает со мной разговаривать.

Мы остановились у дверей пансионата. Из уютного кирпичного здания, окрашенного в розовый цвет, раздавался веселый смех, слышалась бодрая музыка. Там веселились друзья Лиды. И за этими стенами кипела ее жизнь. Девушка прислушивалась к этому смеху, к этой музыке и улыбалась. Ей хотелось скорее туда.

– Ну, пока, – беззаботно бросила она мне на прощанье.

– Ты жалеешь обо всем, Лида?

– Я никогда ни о чем не жалею. Глупо жалеть о том, что уже не исправить. Бесмысленная трата времени, – резко ответила она.

– Мы еще встретимся?

– Не знаю, – равнодушно пожала она плечами. – Почему бы и нет. За этот месяц наши пути могут пересечься не раз. Лес большой.

– Ты меня совсем не любишь? – продолжал допрашивать я ее.

– А разве я когда-нибудь говорила о любви? – поразилась она моему вопросу.

– Тогда как это назвать, если не любовь?! – меня колотило от злости. Я себя еле сдерживал.

– Как хочешь, так и называй! – вызывающе встряхнула она головой. – Можешь – моей прихотью, можешь – солнечным ударом. А еще лучше – ударом молнии, которая в нас так и не попала.

– Я могу и покрепче подобрать слова!

– Пожалуйста, слов на свете много. Но я подозреваю, что выражения покрепче тебе ближе!

– Дура ты! – Терпению моему пришел конец. И я даже вцепился в плечи Лиде и встряхнул ее. – Просто разбалованная дура!

Ее глаза гневно сверкали, пухлый рот был поджат, мне показалось, она меня сейчас ударит. Я ждал этого удара. И вдруг, в одну секунду, так ничего и не сообразив, почувствовал на своих губах горячий мгновенный поцелуй. И в эту же секунду девушка скрылась за воротами

пансионата. Она бежала по дорожке, усыпанной розовым гравием. А я тупо смотрел ей вслед. Я абсолютно ничего не понимал. Это непонимание меня и отталкивало, и раскаляло одновременно. Домой, скорее домой. Но я уже чувствовал, как эта волшебная фраза теряет свою силу.

Из оцепенения меня вывел Мишкин голос.

– Эй, Данька, ну очнись же, чего стоишь, как болван.

Пожалуй, в эту минуту я действительно был похож на болвана. Мой бессмысленный взгляд бегал по лицу, фигуре Мишки. И не видел его.

– Ну же, Данька. Чего здесь торчишь! Тоже на танцы пришел? Наконец-то выбрался, дикий медведь!

Постепенно до меня начал доходить смысл слов. Я уже мог разглядеть Мишку. И даже присвистнул от удивления.

– Ты, что ли, Мишка? Ну, тебя не узнать!

Мишка самодовольно покрутился перед моим носом. В новом черном костюме, купленном в честь окончания девятилетки, правда, на вырост, и полосатом галстуке, Мишка казался даже старше своих пятнадцати лет.

– Айда со мной, Данька! Тут знаешь какое веселье! Правда... – Мишка запнулся, почесал за ухом, оглядев меня с ног до головы. – Правда, видок у тебя еще тот...

– Еще тот, – согласился я. – Да, если честно, и танцор я никудышный. А ты иди, веселись. – Я на секунду замялся. – Ну, в общем, если что – заходи. Поболтаем.

– Зайду, Данька, если что. – Мишка лукаво мне подмигнул и тут же скрылся за воротами пансионата.

Я понуро брел по проторенной лесной дороге, уже не спеша домой. Мне опостылел и мой дом, и моя дорога. Я где-то читал, что когда приходит любовь, то острее начинаешь чувствовать мир, природу, запахи, цвет. Я шел по лесу, наполненному самыми разнообразными запахами и играющему самыми удивительными красками. И совсем не чувствовал их и ничего не видел. И все же это означало, что я влюблен.

Вглядываясь в ярко-зеленые, еще мокрые кроны высоких сосен, я видел мокрые крыши высоток Большого города. Я вдыхал свежий лесной воздух – и ощущал запах автомобильной гари. Я шел по сочной траве – и ощущал под ногами пористую дорожку асфальта... Я еще оставался здесь, но мои мысли были уже там. Там, где живет Лида. И мне хотелось туда, в этот непонятный чужой мир, который мне стал так дорог. Потому что я был влюблен.

А следующим утром ко мне заявился Мишка. И мне вновь пришлось делать вид, что безразлично, как прошел вечер. А Мишке пришлось делать вид, что у него нет никакого желания об этом рассказывать. Немного поиграв в эту странную игру, я наконец как можно беззаботнее спросил, как прошли вчера танцы. При этом я очень старательно разливал чай в чашки, словно это занятие являлось для меня самым главным в жизни. Мишка долго не отвечал, поскольку был поглощен чаепитием. В этот момент мне хотелось дать парню подзатыльник, но вместо этого я ласково спросил, как самого дорогого гостя:

– Может, нальешь в блюдечко? Так быстрее остынет.

– Угу, – промычал Мишка, переливая чай в блюдце.

– Тебе с малиновым или ежевичным? – продолжал ворковать я, по-прежнему желая вре-
зать Мишке.

– С ежевичным... И с малиновым...

Вообще, в какие это времена, я распивал с утра чай, как кумушка с соседкой за светскими беседами?

– Так что ты спросил? – Мишка садистски улыбнулся.

– Когда? – я округлил глаза.

– Да совсем недавно!

– Понятия не имею! А... Постой... Про варенье?...

Мишка нетерпеливо заерзал на стуле. Он хотел победить.

– Да нет, это еще до варенья было.

– Ну, это я, брат, не припомню. Мало ли что мог ляпнуть! – Я хотел победить не меньше Мишки. И мне это удалось. Я все же был старше и опытнее.

– Ну, ты что-то говорил про вчерашний вечер...

– Я?!! Это ты начинал рассказывать про танцы. Так что, потанцевал? – Я прекрасно знал, что у Мишки мало времени. И ему задаст отец, если он вовремя не явится.

Мишка тяжело вздохнул и посмотрел на часы. У него уже не было времени на последний раунд. Пришлось сдаться.

– В общем, да. Даже один раз с этой... Твоей... Артисткой... Сама пригласила, – похвастался он.

У меня от волнения перехватило дыхание. Мишку она пригласила неспроста. Сомневаюсь, что ей приглянулся этот лопоухий деревенский пацан.

Мишка поднялся с места.

– В общем... – Он почесал за оттопыренным ухом. Ему очень не хотелось просто так, даром, выкладывать карты на стол. – В общем, говорила, что гулять где-то тут будет недалеко... Бойтесь заблудиться. Так ты это... Чтоб дома был... Вдруг заблудится и набредет на твою сторожку...

Я ждал весь день, потом – весь вечер, а потом – и всю ночь. Лида так и не пришла.

Следующим утром я бессмысленно бродил недалеко от пансионата, побывал на озере, посидел возле старого дуба, историю которого придумал специально для нее. Я так хотел ее встретить. И не встретил. Я не чувствовал ничего. Только бешеные ритмы сердца. Словно был закрыт в спальном вагоне. Четыре стены. Пустота. И удары колес. Неужели она такая – любовь?

Вечером я не выдержал. Нарядился в свой единственный костюм, белую рубашу и галстук в полоску – вылитый Мишка. Только мне далеко не пятнадцать. И мне нельзя быть смешным. И все же я был смешон. Я шел на танцы.

Пожалуй, медведь, заявившийся нежданно-негаданно на бал, выглядел бы более гармонично, нежели я. И все же меня восприняли именно как медведя. Танец прекратился. Я почувствовал на себе десятки удивленных глаз.

Эти столичные были совсем другие. Совсем. Они были в дырявых джинсах, помятых майках, стоптанных кроссовках. Они из другого мира, которого я не знал. Потому что, как и Мишка, думал, что на танцы приходят наряженными. Мишке это сошло с рук – он слишком молод. Я же выглядел по меньшей мере дураком. По большей – сумасшедшим. И мне так хотелось оправдать себя, объяснить, что я пришел прямо с заседания правления лесничества. Но это было бы еще глупее. Поэтому я промолчал.

Я стоял медведем, явившимся без приглашения на бал и ничего не понимающим в этом бале. Меня выручила Лида. Она подскочила ко мне и радостно воскликнула:

– Вот видите, какие могут быть галантные лесники! Не вам чета! Боже, как давно я не танцевала с мужчиной в костюме!

Я услышал за своей спиной ехидный шепот. Типа того, что эта девочка, как всегда, оригинальничает.

Вновь грянула музыка. Лида, обвив мою шею руками, стала кружить со мной в вальсе. Хотя это и не была вальсовая музыка. Она танцевала легко и грациозно, ее хорошо учили танцевальному мастерству в институте. Но я оказался не вполне пригодным партнером, постоянно спотыкался и наступал Лиде на ноги. С трудом осилил этот танец.

Едва стихла музыка, девушка подвела меня к группке молодых людей. Они с любопытством разглядывали меня, как экзотическое чучело в зоологическом музее, бросив пару колких фраз в адрес Лиды. Эдика я явно раздражал, он и не пытался это скрыть.

– Если бы я был художником, – обратился он ко мне, сверкая насмешливым взглядом, – я бы непременно нарисовал ваш портрет. Портрет нашего современника, которого в современном мире не бывает. Так сказать, эксклюзив.

– А я, если бы имел честь быть художником, – совершенно серьезно ответил я, – то вообще бы не рисовал людей. Они и так в жизни слишком рисуются. Представляете, что может получиться на бумаге?

Лида звонко расхохоталась и снисходительно потрепала Эдика по небритой щеке. Он зло увернулся.

– О, с вами можно говорить о живописи! И в какой же манере вы бы рисовали свой дремучий лес? Импрессионизм, экспрессионизм, пуантилизм?

Я пожал плечами.

– Разве для этого нужна особенная манера? Я думал, для того чтобы рисовать, нужен всего лишь талант.

Эдик раздраженно махнул рукой. И перешел в открытое наступление.

– Впрочем, мы теряем зря время, разглагольствуя об искусстве. Боюсь, вы слишком примитивны для этого.

– Я вообще-то этого не боюсь. Но признаю, что вы правы. Мир, в котором я живу, примитивнее и настолько же богаче и смелее вашего. Художники, кстати, в основном предпочитают изображать именно его. Люди так редко хорошо получаются на холсте.

– Люди вообще редко получаются! – поддержала меня Лида и покрутила пальцем у виска, обращаясь непосредственно к Эдику. И тут же, подхватив меня под руку, потащила к выходу.

Я бы на месте Эдика врезал мне хорошенько, ведь он явно был равнодушен к Лиде. Ну, в крайнем случае, можно было громко свистнуть нам вслед. Но вслед звучало молчание. Люди и впрямь редко получаются.

Уже на улице, едва ступив на лесную тропу, ведущую к дому, я по-настоящему перевел дух. Я чувствовал себя в своей стихии. Я был со всех сторон защищен.

– А я и не ожидала, что ты так умеешь пикироваться. – Лида прижалась щекой к моему плечу.

– Кстати, я понятия не имею, что такое импрессионизм. Ты шокирована?

– Увы. Но это легко исправить. Всего лишь стиль в искусстве, когда художник хочет более естественно запечатлеть мир, как бы его каждое мгновение, дыхание что ли, движение и мимолетность...

– А разве по-другому можно рисовать? Не понимаю... Если по-другому нельзя, тогда вообще нельзя.

– Можно, еще как можно! – Лида еще теснее прижалась к моему плечу. – Боже, какое счастье, что ты не художник, не артист, не музыкант...

– И не герой клипа...

– Особенно это. – Холодные губы Лиды касались уже моего лба, носа, щек. – Боже, как они мне все надоели, как они мне все надоели. Как они... – Ее губы наконец-то нашли мои.

Земля давно ушла из-под ног. И солнце тоже покинуло нас. И куда-то исчезли деревья. И я даже не чувствовал неба. Ничего, ничего вокруг не было. Голый вакуум. Космос. В нем существовали только мы двое. И я уже не жалел о своем зеленом мире, пропитанном свежими запахами и покоем. И Лида не жалела о своем, запыленном и суматошном. Мы были вдвоем. И нам оказалось достаточно этого. Наш космос устраивал нас. И его невесомость, и его пустота. Где не было ни запахов, ни звуков. Где остались только мы двое. И, наверно, наша любовь.

Я уже знал, что это такое. И, пожалуй, мог нарисовать ее в своем воображении. Ее дыхание, ее мгновение, ее мимолетность. Импрессионисты могли бы мне позавидовать. Я рисовал не хуже... Разве кому-нибудь удавалось нарисовать любовь?

Так началась наша любовь. Впереди у нас был целый месяц. А это немало. Более того, я вообще считал, что для большой любви месяца вполне достаточно. За месяц люди не успеют надоест друг другу, не успеют узнать все друг про друга, и даже не успеют поругаться. Про бытовые мелочи вообще нечего говорить. Быт за месяц не способен убить любовь. Это уже потом – в ходе, так сказать, проверки чувств и желаний... Мы не думали о проверке. Нас ждал месяц любви.

Лида больше времени проводила у меня в сторожке, чем в пансионате. Она безоговорочно приняла мою жизнь, с удовольствием готовила для меня, поливала цветы и деревья в саду. Для нее все было в новинку. Иногда мне казалось, что она просто играет роль этакой деревенской пастушки и часто – переигрывает. Но я закрывал на это глаза. Я был влюблен. И был уверен, что она влюблена не меньше. Я не верил, что играть в любовь возможно, когда не любишь. Я был очень далек от кинематографа.

Чижик с Лидой так и не сдружился. Наверно потому, что она его воспринимала всего лишь как мою собаку, а не как моего лучшего друга. А может быть, просто к нему ревновала. Чижик ревновал не меньше. И они в некотором роде боролись за мое исключительное внимание.

– Ну же, Данька, – Лида не раз настраивала меня против Чижика. – Я допускаю, что собака может стать другом, но не могу себе представить, чтобы она стала лучшим другом. Потому что так не бывает.

– Так бывает. Только так и должно быть, – дразнил я девушку. И в очередной раз пытался примирить ее с Чижиком. – Ну же, Лидка, подумай, вспомни хотя бы своих друзей. Сколько раз они тебя предавали? А сколько обманывали? А сколько завидовали? Ага? А Чижик ни разу про меня дурного слова не сказал. А зато как он умеет слушать! Я могу ему раскрыть любую тайну, и он никогда ее не разнесет по всему свету.

– Ты просто боишься людей. Вот и вся твоя философия. Ты боишься правды. Вот и нашел себе глухонемого друга, который только и может, что лизать твои ноги. Такой большой и сильный, ты боишься, что тебя могут предать, потому и выбрал себе того, кто не предает только потому, что предавать не умеет. А не потому, что не хочет.

Чижик громко и свирепо лаял на Лиду. Я хватал его за ошейник, опасаясь, что он может укусить девушку.

– Не обижай его, он ведь все понимает, – грустно отвечал я Лиде, которая, в отличие от Чижика, меня понимала гораздо меньше. А сколько бы осталось этого понимания после месяца нашей любви?

Пожалуй, я поспешил с утверждением, что за месяц ничто не способно омрачить любовь. Вскоре я понял, что для этого достаточно и дня. И все же моя правда заключалась в том, что жалкий месяц на обиды, разочарования и неприятности можно закрывать глаза. Запросто. Когда сильно влюблен.

Мы с Лидой не скрывали своих чувств. Просто мы сами скрывались. Нам было достаточно видеть друг друга, прикасаться друг к другу, вместе смеяться и изредка спорить из-за Чижика. И все же без выхода «в люди» обойтись невозможно. Хотя бы потому, что вокруг много солнца, зелени и свежего воздуха. И потому, что в этом году выдалось на редкость хорошее лето. Мои недавние прогнозы о семи неделях дождя не оправдались. Самсон в этом году играл на моей стороне.

Когда я был свободен, мы встречались с Лидой под нашим засохшим дубом. И Лида каждый день нетерпеливо его осматривала.

– Ни одного зеленого листочка! – Она чуть не плача била ногой по мху, облепившему дуб со всех сторон.

Мне иногда не терпелось сказать ей, что я все бессовестно выдумал – и про дерево влюбленных, и про то, как появляются на мертвом дереве листочки тогда, когда любовь случается. Но так и не открывал ей этой маленькой тайны. Мне нравилась моя выдумка. И иногда я сам в нее верил.

– Ну же, Лида, – я обнимал ее за плечи, – не будь капризным ребенком. Мы так мало знакомы. Разве можно понять за такое короткое время все про любовь?

– А при чем тут время? Хотя да... Конечно... Что можно понять?... Особенно дереву.

– Ну, дерево, если хочешь знать, понимает гораздо больше нашего. Потому что больше видит. И больше живет.

– Но опять же – молчит.

– Откуда ты знаешь? Может быть, это мы его не слышим. А может быть, молчим мы для него.

– Эх ты, ботаник...

Лидка стелила покрывало на землю, ложилась и сладко потягивалась. А я часами мог любоваться ею. И молчать. Как дерево. И не слышать ее беззаботную болтовню. А она все рассказывала и рассказывала об огнях Большого города. Иногда я вспоминал Марианну Кирилловну. Они относились к своему городу абсолютно одинаково. Проклиная, ругая, обзывая, они очень его любили. И мне казалось, я тоже начинаю его любить. А возможно, я просто любил Лиду. И мне уже становилось все равно где быть, лишь бы быть с ней.

Однажды я в очередной раз учил Лиду плавать, она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, цепляясь за мои плечи и оставляя на спине следы от царапин. Эта картина мне была очень знакомой. Я не раз наблюдал ее, когда стоял за деревом и следил за чужим праздником, в котором веселились моя Лида и Эдик. Теперь на его месте был я. Это меня несколько смущало и даже злило, но я сдерживался, всегда помня, что нашей любви отпущено очень мало времени. Я просто старался как можно меньше походить на Эдика. Но у меня не получалось. Я так же крепко прижимал к себе Лиду, так же бросал ее в воду и однажды так же прицепил желтую кувшинку к ее волосам. Боже, неужели в жизни похожи не только люди, но и их жесты и даже их любовь? Как, должно быть, звезды смеются над нами, когда мы их называем одинаковыми...

И вот в один из таких безобидных уроков из воды внезапно вынырнула Валька, очутившись недалеко от нас. Мокрая, веснушчатая, со слипшимися короткими волосами и красными от воды глазами, она напоминала лягушонка. Лида от неожиданности вскрикнула:

– Ой, а это что за лягушонок?!

– Это Валька, – обречено представил я девушку. – Дочка доктора Кнутова. Мой хороший друг.

– Как Чижик или все-таки лучше? – подозрительно покосилась на меня Лида.

– С Чижиком состязаться – гиблое дело. И все-таки Валька – хороший друг.

– И главное – хорошенький, – со злостью бросила мне в лицо Лида.

А Валька развернулась и поплыла. Здесь она чувствовала себя как рыба в воде. И уже ни капельки не напоминала лягушонка, а скорее походила на русалку. Я уже не видел ее коротких слипшихся волос, ее плотного веснушчатого тела. Она ныряла и выныривала вновь. Очень гибкая, как стебелек желтой кувшинки. Она ложилась на спину и легко гребла руками. Как лодка, затерявшаяся в волнах моря. И лучи солнца играли на ее мокром теле. Я искренне залюбовался Валькой. Мое любование не ускользнуло от жесткого взгляда Лиды, которая вдруг (этот беспомощный ребенок, который только и мог, что барахтаться в воде) изящно нырнула и поплыла. Не менее легко и красиво. Она плыла брассом, делая точные симметричные движения, а затем перешла на баттерфляй. Я тупо смотрел на нее. И не видел ее красоты. Я просто вдруг понял, что она настоящая профессионалка. Наверняка не раз побеждавшая в городских

соревнованиях. И так ловко водившая меня за нос. Боже, а я ведь это подозревал еще тогда, когда она играла с Эдиком. Еще тогда... Теперь же она устроила соревнования с Валькой. И я от всей души пожелал ей проиграть. Резко развернувшись, я поплыл к берегу.

Лида догнала меня, когда я уже, выбравшись из лесных зарослей, зло и решительно направлялся к дому.

– Дурак же ты, какой дурачок. – Она обняла меня сзади за плечи. Я не обернулся.

– Ну не могла же я спокойно смотреть, как ты любишь этим лягушонком. Вот и пришлось самой показать класс, – мурлыкала Лида, глядя мою спину.

– Я понятия не имел, что можно в одну секунду научиться так плавать. Ты просто вундеркинд. Думаю, тебе под силу и спортивное, и подводное плавание. Может быть, меня научишь?

– Но пойми, милый, эти маленькие хитрости были придуманы специально для тебя. Тебе ведь приятно было учить меня плаванию, – оправдывалась Лида перед моей злой спиной.

– Насколько я знаю, эти хитрости были придуманы поначалу для клипового героя, – внезапная мысль вдруг осенила меня, и я резко обернулся. И столкнулся с невинным взглядом. – Скажи, Лидка, только честно... Только честно, пожалуйста... Тогда... Когда Эдик учил тебя плавать, ты знала...

– Что знала? – Лида хитро сощурилась.

– Ну... Что я наблюдаю за тобой?

– Конечно, знала, – просто ответила она. – Ну, какой нормальный мужик не придет на свидание, если его назначает такая девушка, как я.

– Какая девушка? – Я нахмурился. – Лгунья, врунья, интриганка...

– Продолжай, продолжай! – Лида уже откровенно смеялась.

Мне так хотелось продолжить – и к тому же бездарная актриса. Но Лида прижалась ко мне всем телом. Ее волосы, еще мокрые, приятно щекотали мое лицо и пахли желтыми кувшинками.

– И к тому же прекрасная актриса, – продолжила она за меня.

И я не смог ей возразить. Я погладил ее влажные волосы, прикоснулся к ним губами. У нас был всего лишь месяц...

А вечером, проводив Лиду, я ждал появления Вальки. Это было в ее духе. Она непременно должна была появиться и устроить скандал. К чему я был готов. Даже придумал красочный монолог и привлек Чижика к своей защите.

– Ты любишь эту девчонку, Чижик. Так что, брат, помоги мне. Ну, лизни ее руку. Или посмотри на нее жалобно. Уж что-то, а это ты, дружище, умеешь.

Чижик вздохнул и, свернувшись калачиком, улегся у порога. Но Валька так и не пришла. Она не пришла и на следующий день. В глубине души я был раздосадован. В конце концов, она же влюбилась в меня и даже возомнила себя моей невестой. Однако же Валька стала для меня не единственной досадой. В этот вечер не пришла и Лида. И я уже не на шутку разволновался. Столкнувшись на пороге дома с запыхавшимся Мишкой, я и вовсе испугался.

– Ну же, – я вытащил его за ворот пиджака в дом. – Только без предисловий, что случилось?

– Заболела, – выдохнул Мишка. И уже более спокойно добавил: – Но ты, Данька, не волнуйся. Просто перегрелась на солнце. Знаешь этих столичных штучек. Они и солнца-то у себя за небоскребами не видят. Вот и, вдохнув глоток свежего воздуха, падают почти замертво. И где такое видано, чтобы люди болели от солнца и воздуха?! Чокнуться можно. Нет уж... Такая жизнь не по мне.

Мишка уселся развязно на диван и, забросив ногу за ногу, вытащил из пиджака «Кэмел» и золотистую зажигалку той же фирмы. Но не успел прикурить. Я мгновенно выхватил пачку сигарет из его рук.

– Мишка! Вот отцу расскажу!

Мишка от души расхохотался.

– Ну, Данька! Ты меня совсем уморил! Словно из каменного века! Да я уже год как курю! Даже если бы не курил, то непременно с сегодняшнего дня бы начал. Разве от такого шика отказываются! Я ведь только «Приму» и пробовал.

Я внимательно посмотрел на Мишку. Его уши торчали в разные стороны, старый пиджак с отцовского плеча болтался на худеньких плечах, глаза по-детски блестели при виде новой игрушки. «Кэмел» Мишке был так же к лицу, как медведю смокинг.

Я устало опустился на диван рядом с парнем.

– М-да... А мне все кажется, ты ребенок. Совсем не замечаю времени. Знаешь, Мишка, оно для меня словно застывает здесь, на природе. Словно ничего не взрослеет, не стареет, не умирает. Только рождается. А ведь это далеко не так.

– М-да-а-а, – вторя мне, глубокомысленно протянул Мишка. – Ты совсем одичал, Данька. Совсем. И, не в обиду тебе сказано, постарел. Хоть и на природе.

Мишка мастерски чиркнул блестящей зажигалкой из фальшивого золота.

– Артисты подарили? – показал я на «Кэмел».

– Угу. Они, кто же еще. У них там все знаменитости такие курят. А про спички они вообще уже думать забыли. Да, мы с тобой – темнота, каменный век. Сигареты, кстати, твоя... эта... артистка преза... презентовала – за успешную работу. А зажигалку ее дружок. Ух, как я обрадовался, мне в жизни таких подарков не делали. Даже на день рождения. Самый дорогой подарок был – перочинный ножик от отца. Да разве сравнить с такой зажигалкой!

– А где ты их встретил? – направил я разговор Мишки в нужное русло.

– Да в номер к твоей артистке заходил, отец велел занести ей лекарства. Она лежит на кровати с мокрым полотенцем на лбу. А этот красавчик сидит у ее ног, как верный пес.

Внутри у меня все перевернулось. Я сжал кулаки. И почему-то спросил:

– Целуются?

– Чего? – не понял Мишка.

– Ну, ты же сам говорил. Они когда-то целовались.

– Я? Ах да! – Мишка стукнул себя по лбу. – Совсем забыл. Почему-то когда врешь, всегда забываешь.

– Зачем ты мне врал, Мишка? – Я не разозлился на него, а только облегченно вздохнул.

– Да я б ни в жизнь! – Мишка стукнул себя кулаком в грудь. – Это она мне велела тебе сказать... Ну, что целовалась.

Я уже ничего не понимал. Моя голова шла кругом. Почему-то ужасно захотелось спать.

– А ей-то зачем это было нужно?

– Ты, Данька, как ребенок. Ничего не понимаешь в жизни. Ведь только так, с помощью ее безбожного вранья, ты и попался на удочку.

– Все вранье, кругом одно вранье. – Я устало провел ладонью по вспотевшему лбу. – Презенты ты от нее получил за это?

– И за это тоже. Да ты не отчаивайся, Данька. Любой бы только мечтал попасться на ее удочку. С помощью вранья или нет – какая разница.

– Наверное, никакой. Для них там вообще не существует разницы между правдой и кривдой. Все одно. Артисты.

– Ну же, Данька, – Мишка встревожено смотрел на мое равнодушное лицо, на мои потухшие сонные глаза. И даже встряхнул меня за плечо. – Ну же, Данька. Чего ты? Все же нормально. Ну... Ну, хочешь, хочешь, я и ей что-нибудь скажу, в отместку. К примеру, как ты целовался с Валькой, хочешь? И презент мне никакой от тебя не нужен, ты же мой друг. Это от тех брать можно, для них это нормально.

– Не хочу, Мишка, – я потрепал его по щеке. – А ты иди, Мишка, иди. И Вальку не впутывай. Она хорошая девчонка.

– Хорошая... Только хороших почему-то не так сильно любят. А этой, твоей артистке, чего-нибудь передать?

– Пусть выздоравливает.

Я вышел проводить Мишку за порог. Мишка опрокинул голову к небу. Тяжелые тучи повисли над лесом. Особенно остро чувствовались запахи смолы и бессмертника. Птицы низко летали над соснами, задевая их крыльями.

– Скоро дождина зарядит, на неделю, – усмехнулся Мишка, видимо, вспомнив Самсонов день. – Не придется им больше умирать от солнца. Ну разве что от глотка свежего воздуха.

Мишка небрежно чирикнул золотой зажигалкой. Яркий огонь вспыхнул у него в руках.

– Красиво, – почему-то печально вздохнул Мишка. – И руки не обжигает. От спичек так не бывает.

– Огонь он и есть огонь. Может согреть, а может обжечь. Ну, бывай, дружище.

Мишка, приподняв ворот пиджака, быстрым шагом направился прочь от моего дома. Я пошел закрывать ставни. Дождь хлынул раньше времени. Я уже собирался бежать домой, как заметил, что в кустах неподалеку от моего дома что-то белеет. Глаз мой был зоркий и натренированный.

– Вот чертяги столичные! Вечно мусорят, нет от них покоя. Словно у себя в городе, а не в лесу.

Я, сварливо ворча себе под нос, разгреб руками кусты и заметил в глубине их насквозь промокшую полную пачку «Кэмела», недалеко валялась обляпанная грязью блестящая зажигалка...

Следующим утром, забросив все дела, я, как верный пес, сидел у ног Лиды. Вновь заменяя Эдика. Лида играла уже не беспомощного ребенка, барахтающегося в воде, а несчастную больную девчонку. Она то и дело шмыгала носом, лоб ее был перевязан мокрым полотенцем.

– У вас такое солнце вредное, – капризно пробормотала она, перед этим пару раз охнув и ахнув от боли. – Даже на югах со мной ничего подобного не случилось.

– Солнце, Лидка, не бывает вредным, – улыбнулся я, глядя ее запутанные волосы. – Только люди.

– Такие, как я? – обиженно надула пухлые губы Лида.

– Нет, ты ведь у меня солнце.

Я огляделся. Мне стало немножечко грустно. С самого начала я знал, что это номер Марианны Кирилловны. И сейчас, впервые заглянув сюда после ее смерти, я вдруг по-настоящему понял, как мне не хватает моей костюмерши, наших прогулок у озера, наших долгих бесед у загущающего костра, нашей сирени с пятью лепестками. Пожалуй, никто меня в жизни так не понимал, как Марианна Кирилловна. И я знал, что это понимание было взаимным.

Лида, заметив, что я погрузился в мысли, тут же принялась вновь капризно охать и ахать, жалуясь на свое недомогание, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание. Вообще-то она была плохой актрисой. Хотя, возможно, я мало что смыслил в актерской игре.

– А ты где-нибудь уже снималась, Лидка? – зачем-то спросил я у нее.

Ее глаза растерянно забегали по моему лицу. Но тут же решительно остановились где-то у переносицы.

– Конечно, снималась! – Она вызывающе встряхнула головой, забыв, что та у нее болит. – А ты думал, я плохая актриса?

Именно так я и думал. Ей сниматься противопоказано. Пожалуй, настоящие съемки у нее начались только здесь, в Сосновке. Где играла она исключительно для меня.

В дверь постучали. Молодая горничная, моя старая знакомая Галка, принесла нам чаю. По Лидиному приказу. Именно приказу. Не меньше.

– Фу! – фыркнула Лида, пригубив чай. – Совсем остывший! Я же просила – горячий! Совсем ничего делать не умеют!

Лида вела себя по меньшей мере, как Любовь Орлова, словно в запасе у нее были десятки знаменитых ролей. Хотя подозреваю, что великая актриса так не поступила бы ни за что в жизни.

Горничная покраснела и, заикаясь, стала оправдываться перед этой разбалованной девицей. Но я тут же ее прервал.

– Не слушайте ее, милая, – с нескрываемым наслаждением я отпил глоток чая, закатывая от удовольствия глаза. – Замечательный чай. Ничего подобного не пил, хотя вы прекрасно знаете, что в чем-чем, а в чаях я разбираюсь. Вы даже добавили веточки смородины, подумать только!

Галка расплылась в довольной улыбке, но все еще опасливо поглядывала на Лиду.

– Знаете, – обратился я к Галке, чтобы до конца ее успокоить, – а ведь так не хватает Марианны Кирилловны. Едва переступив порог этого номера, я сразу понял, как ее не хватает. По-настоящему.

Горничная была свидетелем нашей дружбы с костюмершей и понимающе вздохнула.

– Мы все ее здесь любили. Она от всех отличалась. Такая вежливая, милая, понимающая. – Это был камешек в огород Лиды.

– Ты можешь идти! Ну, чего встала! – закричала на нее Лида, вскочив с кровати.

Я схватил ее за руки и силой усадил на место.

– Как тебе не стыдно! Что с тобой! Ты и впрямь перегрелась! – Я обернулся к горничной. – Иди, Галка, все в порядке, иди.

И все же последнее слово Галка решила оставить за собой.

– Это же надо, такая была чудесная бабушка и такая оказалась невоспитанная внучка! Господи, как тесен мир, – едко заметила она и тут же смылась.

Воцарилось молчание. Я в оцепенении уставился на Лиду.

– Что она сказала?

– Откуда мне знать! – Лида мгновенно успокоилась и вновь приняла больной вид, прикладывая к голове влажное полотенце.

– Она что... То есть... Марианна Кирилловна – твоя бабушка?! – Это был настоящий шок для меня.

– Ну и что тут такого? У всех есть бабки. Я же не виновата, что моя оказалась именно Марианной.

Я сидел, обхватив голову руками. Очередное вранье. Даже для одного месяца многовато. Я медленно повернулся к Лиде. Наверное, у меня был устрашающий вид, потому что она испуганно вздрогнула.

– Но почему ты мне ничего не сказала? Я же не раз рассказывал тебе про Марианну Кирилловну. Почему? Я не понимаю. Ты только объясни – почему?

– Да потому!

Лида вновь вскочила, полотенце упало на пол. И вообще, по-моему, она выглядела совсем здоровой.

– Потому что пришлось бы рассказывать про нее, тебе же она так нравилась. Тратить время на пустые воспоминания и прочую чепуху... А я хотела, чтобы ты был только мой. Только мой и все! – Лида топнула в подтверждение своих слов ножкой.

– Странно, а костюмерша говорила, что она совсем одна. Одна на всем белом свете.

– Это ей захотелось быть совсем одной. Придумывать свой фантастический мир и жить в нем. Грезить о каком-то великом кино, которое мы якобы потеряли. А по-моему, потеряла только она. Я лично все приобрела. И кино, и настоящий мир. И меня он вполне устраивает.

– Она обо мне говорила? – Я не отрывал от Лиды взгляд.

Я знал, чувствовал, понимал, что говорила. Но каждую секунду боялся, что Лида соврет.

– Да, – почему-то на этот раз она не соврала. – Говорила. Более того, утверждала, что ты у нее самый близкий человек на земле. И твоя земля тоже самая близкая. Потому что вы настоящие, а мы, видите ли, из папье-маше. Поэтому для нас она и шьет костюмы. В общем, бред какой-то. Как может стать самым близким случайный человек?

– Я же – случайный человек, но для тебя стал самым близким.

– Ты – другое. У нас ведь любовь...

– Кроме любви есть и другие отношения. Может, более глубокие. Иногда люди, зная друг друга всю жизнь, так и не находят общего языка. А иногда... Одного дня достаточно, чтобы друг друга понять. В общем... Знаешь, мне кажется, Марианна Кирилловна действительно была очень одинока...

Мне так и не удалось закончить эту глубокую мысль, потому что в комнату ворвался Эдик с охапкой полевых цветов. Увидев меня, он застыл на пороге, как статуя, и его губы скривились в презрительной усмешке.

– А... Охранники зеленых насаждений! Надеюсь, вы меня не арестуете за ущерб, нанесенный лесам и полям. – Он протянул цветы Лиде, и она уткнула в них лицо, жадно вдохнув приторный аромат.

– Не арестую, – резко ответил я и поднялся.

– Еще бы. Все это народное достояние, а не достояние одного человека.

Лида заметно оживилась с приходом Эдика. Она чувствовала себя рядом с ним в своей тарелке. И я подумал, что они здорово подходят друг другу. Она ему так же преувеличенно и театрально принялась жаловаться на солнечное недомогание. И он проглатывал ее слова без остатка. Как ни парадоксально, но они искренне верили в ложь, которой ежедневно кормили друг друга до отвала. Эдик даже умудрился пафосно продеklamировать какой-то новомодный стишок без ритма и рифмы, который выучил накануне специально для Лиды. И девушка восторженно благодарила его. Стишок был бездарный, Лидка вполуха слушала его, так ничего и не поняв, но правила игры диктовали другую реакцию. А они строго следовали правилам игры. Мне здесь делать нечего. Я не артист, так что поспешил откланяться. Эдик даже не обернулся в мою сторону, а Лида послала ничего не значащий воздушный поцелуй.

Мне же вдруг захотелось увидеть Вальку, которая меня старательно избегала. И, собравшись с духом, «вдохновленный» встречей с Лидой, этим же вечером я нагрянул в дом доктора Кнутова. По дороге я почему-то собрал целую охапку полевых цветов. Кнутов встретил меня довольно радушно, он был интеллигентом до мозга костей, хотя я не мог не уловить в его тоне некоторой официальности.

– Вы знаете, Даниил, Валечки нет дома.

Был уже глубокий вечер, и я не поверил ни единому слову Кнутова. Где ей еще быть? Валька наверняка пряталась за дверьми соседней комнаты. И я как можно громче сказал:

– Как жаль, а я вот ей цветы принес. И еще орехи, – протянул я пакет с недозрелыми, еще зелеными плодами. – Она любит такие. Неспелые, самые сочные. Словно в молоке.

Кнутов подчеркнуто вежливо принял подарки.

– Я ей обязательно передам. Она будет рада.

За дверью соседней комнаты послышались шорохи.

– Всего доброго, Даниил. – Кнутов открыл двери.

– Андрей Леонидович. – Я прикрыл двери и понизил голос на два тона. – Не обижайтесь на меня.

– Вы ничего не обещали, Даниил. Абсолютно ничего. Вы всегда поступали честно.

– И все же... Я все равно чувствую за собой вину.

– Вы не можете винить себя за то, что вас любит моя дочь. За чужую любовь не судят. А вы полюбили другого человека. И за свою любовь не судят тоже.

– Вы все понимаете. И все же... Как Валька?

– Я слишком долго пожил на свете, чтобы не понимать, что все проходит. И первой, возможно, проходит любовь. Но Валя еще слишком молода, чтобы понять это. Поэтому ей тяжело. И все же, я думаю, это к лучшему. Лучше больше эмоций, трагедий, разочарований пережить в молодости. Потому что они переживаются. Думаю, потом моей дочери жить станет гораздо легче. Трудности зачастую идут на пользу. Вырабатывают, так сказать, иммунитет. Моя дочь обязательно выздоровеет. А пока... Не ищите с ней встречи. Вы понимаете?

– Я понимаю.

Меня действительно мучила совесть по отношению к Вальке. Но я думал о Лиде. И я думал, что моя любовь может все оправдать. Доктор Кнутов был прав. Я не мог судить себя за любовь. И я не виноват, что не всегда она выбирает тех, кто этого заслуживает. Я все списал на любовь.

Мы больше не ссорились с Лидой, если вообще наши мелкие разногласия можно было назвать ссорами. Я многое в ней не принимал. Но не мог не понимать, что она дитя города, в котором живут по другому уставу. Отклонение от него грозит одиночеством. Что и случилось с моей костюмершей. Этого я Лиде не желал.

В последние дни наша любовь приобрела более яркие и более сумасшедшие краски, передающие дыхание каждого мига, улавливающие чувственность каждого движения. Если бы я был теоретиком любви, я бы назвал ее импрессионизмом.

Однажды я даже привел Лиду на могилу Марианны Кирилловны, ее бабушки. И долго доказывал, что она похоронена именно здесь. На этом пригорке, где мы когда-то с ней подолгу стояли, наблюдая за уходящим за горизонт солнцем. Где я посадил в честь костюмерши маленький куст сирени. Который обязательно расцветет яркими цветами. Но Лида никак не могла уловить и принять мою мысль. Она опровергала все мои доводы, топала от негодования ногами и крутила пальцем у виска.

– Ну же, Данька, я тебе тысячу раз объясняла! – краснела она от возмущения. И становилась еще прекрасней. – Ты словно глухой! Я сама, понимаешь, сама, лично была на похоронах бабушки.

Лида била себя кулачком в грудь.

– Я даже помню, в чем ее хоронила – в черном длинном платье с большим воротом. Когда-то бабушка мне его сама сшила в расчете, что я получу роль молодой вдовы в одном фильме. Нет, ты не думай, я ее получила...

Я слегка зажал рот Лиды ладонью.

– Я не об этом, девочка. Ну, как... Как ты не понимаешь, что человек похоронен не там, где его закапывают. А там, где поселяется его душа, его сердце, где он оставил свои мысли и лучшие воспоминания.

Лида вырвалась из моих цепких рук.

– Человек похоронен там, где его похоронили, где стоит памятник на могиле и куда могут приходить его родные, чтобы положить букет цветов! – злилась она. – Ну, как же ты не понимаешь! И кто ты, чтобы решать, где должна селиться душа! И тем более – сердце!

– Да, я никто, увы, – я развел руками, признав себя пораженным.

– Фу-у-у, – отдышалась Лида, словно на ринге. – Дурачок ты мой, как вы с ней все-таки похожи. Миру не нужны идеалисты, они ему даже мешают.

– И тебе тоже?

Лида обвила шею мою руками и легко прикоснулась губами к моим губам.

– Только не мне, только не мне, только не мне...

Голова моя закружилась. Я изо всей силы обнял Лиду, и ее тело обмякло в моих объятиях. Я покосился на пригорок, заросший одуванчиками, на молоденький кустик сирени с соч-

ными зелеными листочками, на огненный шар, уплывающий за горизонт. И подмигнул просто так, неизвестно кому.

– Я знаю, Марианна Кирилловна, вы здесь, – еле слышно прошептал я.

– Что, что ты сказал, повтори, любимый, повтори, – горячо прошептала Лида в ответ. – Повтори, что меня любишь... Что любишь... Любишь...

И я повторял и повторял снова, что люблю. И веточки сирени колыхались на легком ветру. И моя костюмерша улыбалась мне улыбкой уходящего солнца. Она была совсем рядом...

Последние дни нашей любви с Лидой не просто быстро прошли, даже не промелькнули и не промчались. Они просто слились в один день, одно мгновение яркого и сильного чувства. Не знаю, насколько похожа у людей любовь, но прощание наверняка у всех одинаково. Грусть, слезы и общие воспоминания. Потом грусть проходит, слезы высыхают, а воспоминания стираются. Я, видимо, не единственный, кто так горячо желал, чтобы у нас все было по-другому. Любовь, не похожая ни на какую другую. И расставание. Мне так хотелось, чтобы после нашей разлуки легкая грусть осталась навсегда, слезы до конца не высохли, а по ночам мучили воспоминания. Возможно, я был очень наивен.

Мы встретились с Лидой вечером накануне ее отъезда возле нашего засохшего дуба. И почему-то долго не знали, о чем разговаривать, словно уже наговорились за месяц или просто слишком мало осталось времени для фраз. Любые слова, произнесенные вслух, казались не главными. А главные, наверное, еще не были придуманы. И мы молчали. И молча вслушивались в мертвую, почти пугающую тишину. Я давно не помнил такого безветрия. Ни один листик не шелохнулся на деревьях. Почему-то не пели птицы. И на небе ни одного облачка. Только красные полосы, словно кто-то небрежно провел по небу кистью.

Мы стояли у мертвого дерева и придумывали главные слова. И на ум приходили одни штампы: прощай навсегда, я буду помнить тебя всю жизнь, ты главная любовь моей жизни и все в том же духе. И я уже было попытался одну из этих фраз выдать, как Лида опередила меня:

– Ну что, Данька... Прощай, в общем, навсегда. Но я буду помнить тебя всю жизнь. Потому что ты главная любовь моей жизни...

И штампы в один миг превратились в нежные слова, которые, оказывается, я так ждал. И которые так приятно было услышать. Я крепко обнял Лиду.

– Лида, Лидок, ну скажи, ты можешь все бросить ради меня. Ну, хотя бы попытаться. Как у нас говорят: был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь.

– Мне не все нравится, что у вас говорят. К тому же, мне хлеба и мужа мало. Впрочем, привыкнуть можно ко всему, если есть хлеб. Даже к городу.

– Ну вот ты и попытайся! Все брось ради меня! И город в том числе! Что это за родина, к которой нужно еще привыкать! – Я споткнулся на слове и опустил взгляд. – Лида, ну попытайся. Ну хотя бы в мечтах.

Я прекрасно знал ответ – она не могла. Это было слишком неправдоподобно. И слишком кинематографично. Я не настаивал. И вряд ли даже мог представить, что может произойти, если бы вдруг Лида осталась здесь. Она, конечно, не превратилась бы в Вальку. Но наверняка превратила бы нашу жизнь в ад. Как когда-то говорила Марианна, каждый живет там, где жить привыкает. И я бы добавил: где ему уготовано жить. Лида никогда не привыкнет, и тем более ей не уготовано здесь остаться.

Она провела холодной ладонью по моей заросшей щеке.

– А ты ради меня можешь все бросить? Не отвечай, я знаю ответ. И даже не могу представить, что случится, если ты уедешь со мной. Конечно, ты не превратился бы в Эдика. Но наверняка превратил бы нашу жизнь в кошмар, тоскуя о своем доме. Так что мы не можем вдвоем ни уехать, ни остаться.

– Как мало, оказывается, мы можем ради друг друга.

– Но у нас был целый месяц. А это уже не мало. И только потом мы поймем – было ли все это настоящее. И стоящее. Хотя так хочется знать теперь.

Лида запрокинула голову вверх, внимательно вглядываясь в засохшие, корявые ветви дуба. И вдруг громко вскрикнула.

– Данька! – Она до боли вцепилась в мою руку. – Данька, этого не может быть! Смотри! Этого быть не может!

Я растерянно мотал головой, не понимая.

– Ну, вон же! Какой ты слепой! Листочки! Ну, посмотри! Такие яркие! Совсем молоденькие! Как зеленые огоньки!

– Ничего не вижу. – Я старательно щурился.

– Ну какой же ты слепой! Слепым нельзя работать лесниками! Я напишу на тебя жалобу! – возбужденно кричала Лида. Она схватила мою руку и подняла ее вверх, по направлению к ветке, где выросла зелень. – Ну же, ну же, видишь?

– Да, точно, вижу, – я недоуменно почесал затылок. – Точно, листочки. Вот это чудо!

– Чудо?! Ты что! Это даже не чудо! Это больше, чем чудо! Так просто не бывает и не может быть!

Конечно, не бывает, я не мог не согласиться с Лидой. Но мне так захотелось, чтобы это случилось. Чтобы та сказка, которую я придумал специально для нее, наконец-то сбылась. Что я еще мог для нее сделать? Только позволить себе этот маленький обман. Накануне я залез на дерево и аккуратно зацепил тонкой проволокой молодые листочки к сухой ветке, чтобы все выглядело правдоподобно. Оставалось главное – правдоподобно сыграть удивление.

– Ну конечно, Данька, я даже не знаю, что думать. Ты сам рассуди, так не бывает. Разве могут на мертвом, совершенно безжизненном дереве вырасти листочки? Сколько их? Раз, два, три... Целых три листочка!

Я хотел и больше прицепить в порыве безбожного вранья и во имя божественной любви, но вовремя остановился. Это выглядело бы совсем глупо.

– Лида, Лидок мой! – Я взял ее руки. – Конечно же так бывает. И было не один раз. Неужели ты не веришь в легенды, не веришь нашим предкам, не веришь, в конце концов, в настоящую любовь?

Лида подозрительно на меня покосилась.

– Вообще-то я больше верю в науку. И в школе проходила биологию. Мертвое не порождает живое. Как мертвого человека невозможно заставить дышать, так и мертвое дерево – зацвести.

– Извини, но у тебя представления какого-то допотопного века! На свете столько непознанных явлений и необъяснимых событий! Если хочешь знать, уже почти доказано, что и мертвого человека можно заставить дышать. Его на определенное время помещают в такую специальную камеру... А тут дерево... Природа вообще – сплошная загадка. Тут одни тайны. И жаль, что их так мало изучают и разгадывают. В основном силы брошены на людей. Все забыли, что природа – первоначальна, а от нее зависит и наша жизнь, и наша смерть. А потому начинать нужно с нее. Потому что именно она может спасти или погубить...

– И все же я не понимаю, – уже менее уверенно пробормотала Лида. Она, похоже, почти верила моим сомнительным гипотезам. Похоже, она разбиралась в науке так же, как и я.

– А зачем тебе понимать? Скажи, зачем? Неужели это так важно? Или ты... Ты просто не веришь в нашу любовь? Ведь ты мне поверила, когда я рассказывал про влюбленных под этим дубом. И про внезапно появившиеся листочки. Значит, ты просто не веришь в нас...

Лида бросилась мне на шею. И стала лихорадочно целовать мое лицо, шею, пытаюсь заглушить мои слова.

– Ну конечно, конечно, я верю в нашу любовь. И в эти листочки тоже. Но это означает, что мы должны быть вместе... А это так нереально.

– Кто знает, Лида, что реально в этой жизни, что нет. Нам кажется, что мы расстанемся навсегда, но знать наверняка не можем. И может быть, встретиться окажется гораздо проще, чем мы думаем. Другим же кажется, что они расстанутся всего на час, а получается навеки. Что мы можем знать в этой жизни? Я думаю, что он, – я кивнул на дерево, – знает гораздо больше нашего.

Лида бережно погладила черную скрюченную ветвь старика дуба.

– Спасибо, дружище.

Мне показалось, он слегка покачнулся в легком поклоне. А возможно, просто начался ветер. Зашумели кроны зеленых елей, загалдели наперебой птицы, взбунтовалась водная гладь озера, по небу, как в зеркале, поплыли перистые облака. Мир оживал. Словно после разлуки. Мне все-таки удалось сделать наше прощание не похожим ни на какое другое. И стало немножечко легче.

Говорят, самые тяжелые – это первые недели разлуки. Со мной же все случилось наоборот. Именно первые недели мне жилось довольно легко и беззаботно. Жизнь как-то сразу вошла в свою колею. Хотя в доме еще пахло дорогими духами Лиды, мои губы хранили ее поцелуи и мне казалось, что она вот-вот легко и весело ворвется в мой дом. Я вздрагивал при каждом шорохе и ночами спал беспокойно. Но все же мудро принял неизбежное. У нас был целый месяц любви, а это немало. И разлука не означает, что любовь ушла навсегда. Я верил, что она может вернуться в любое мгновенье.

Чижик же откровенно ликовал по поводу отъезда Лиды. Он вновь стал прежним, веселым шустрим псом, с которым мы вновь проводили дни и вечера. Вновь разжигали костер и лакомились печеной картошкой. И все же ликование Чижика было недолгим.

Проходили недели, и у меня все тяжелее становилось на сердце. Я все чаще хмурился и раздражался по каждому поводу. Окончательно замкнулся в себе, все реже заглядывал в деревню, а если меня иногда навещал Мишка, я поскорее его выпроваживал... Потому что вместе с Лидой уехал и я. И Чижик это понял. Он остался один.

Возможно, во всем была виновата осень. Хотя я раньше принимал с благодарностью все времена года и самую разную погоду. Теперь же осень вместе с тучами и дождями нагоняла на меня такую тоску, что впору было завывать. И я вечерами подолгу стоял на крыльце, натянув на лоб капюшон ветровки, прислушиваясь к шуму дождя и крикам птиц. Я физически, до боли чувствовал свое безграничное одиночество. И меня все чаще посещали лукавые мысли: кто сказал, что это и есть моя судьба? Эта сторожка, и этот лес, и этот пес Чижик? Кто сказал, что моими собеседниками могут быть только деревья и птицы, моей женой – деревенская девчонка, а моим гостем – лопухий пацан? Кто это сказал?!

И я все чаще рисовал в своих мыслях другую картину. Картину яркого большого города, переливающегося огнями и гирляндами. Я растворялся в шумной, ликующей, нарядной толпе. Солнце освещало ярко разукрашенные дома и магазины. Картина моя выходила непременно в стиле импрессионизма. И я ей верил. Как верил и в то, что я, сильный и здоровый, закаленный ветром и непогодами, смогу запросто добиться другой, более счастливой судьбы, в большом городе. И моей женой непременно станет красавица Лида. Конечно, придется принять и Эдика. Но, в конце концов, не такой уж он плохой парень. И вполне может стать моим другом. Безусловно, придется еще многое выучить про пуантилизм и модернизм. Но это не так уж сложно. Тем более что про импрессионизм я уже знаю все. А Чижик... Да, черт побери, Чижик! Он привык совсем к другому воздуху и другой жизни. Он, скорее, лесной зверь. К тому же вряд ли Лида станет жить в ухоженной городской квартире вместе с беспородным псом...

Чижик устало приблизился ко мне и виновато лизнул мою руку. К тому же он совсем стар. Вряд ли ему захочется быть похороненным в городе. И я вдруг вспомнил Марианну Кирилловну. Что бы она посоветовала? Мне показалось, что она укоризненно качает головой. Но при

чем тут костюмерша? Это моя жизнь. К тому же Марианна Кирилловна может и ошибаться. И я постарался больше о ней не думать. Она сбивала меня с толку, запутывала мои мысли, вселяла сомнение.

Так прошли осень, зима и наступила весна, которой я впервые не обрадовался. Потому что меня здесь уже давно не было. Была моя тень. Машинальные фразы, механические движения. Тени не радуются весне. Хотя именно весна их рождает. И мне уже не хотелось выбегать на крыльцо вместе с Чижиком и кричать на весь лес, приветствуя первый весенний день. Я молча погладил Чижика по загривку и недовольно прищурился от назойливого солнца.

– В городе весной, пожалуй, веселее, – только и выдавил я.

Чижик испуганно забился в темный угол. И жалобно заскулил.

– Прекрати, – сердито прикрикнул я. – Твоего нытья еще не хватало.

Чижик первым понял, что меня здесь давно уже нет. У него было звериное чутье. Он это понял даже раньше меня. В этом доме осталась лишь моя тень. А я все чаще злился. И срывал злость на собаке. Я рисовал Чижиком заманчивые импрессионистские картины большого города и сокрушался, что привязанность к нему мешает осуществлению планов. Чижик ничего не понимал в импрессионизме. Но насчет долгоиграющих планов он, кажется, понял. И когда однажды вечером я вернулся в сторожку и увидел, что Чижика нет, даже не удивился. Чижик не хотел мне мешать жить дальше, идти тем путем, который я уже выбрал. К тому же собаки не живут с тенью. Им нужен человек. И когда я увидел пустой дом, наполненный мертвой тишиной, то в оцепенении опустил на диван и схватился за голову.

– Чижик, Чижик, – прошептал я пересохшими губами. – Что я наделал, Чижик... Что я наделал...

Черт побери! Я вскочил с места. В конце концов, возможно, я ошибаюсь. Ну конечно. Я не верю, не могу поверить, что мой пес мог меня просто так бросить. Впрочем, разве не я бросил его первым... Нет, я не верю, он где-то рядом, возможно, просто обиделся и решил меня проучить. Нет, это не в духе Чижика. Он не настолько мелочен. Уж чего-чего, а благородства моей собаке не занимать.

Схватив куртку, я бросился из дому. И закричал во весь голос:

– Чижик! Чи-и-и-жик! Чи-и-ижик!!!

Галдели птицы, дурачился ветер, шушукались листья деревьев. Пришла весна. Она была уже не моей. Она существовала где-то в стороне, стучала зелеными ветками в чужие дома, пела скворцом на другом дворе. Словно я не имел к ней никакого отношения.

– Чи-и-ижик!!!

В ответ – пугающее молчание.

Я искал собаку всю ночь, весь день и всю ночь. Я сорвал горло. Исцарапал себе руки о колючие ветви елей. Перед глазами плыли желтые круги, словно маленькие солнышки. Но ни одно из них не было солнцем. Весь мой зеленый мир словно сговорился, весь мой зеленый мир был против меня. Словно я предал не только Чижика. Словно я предал всех, с кем жил эти годы. Кого любил. И кто так беззаветно любил меня.

В поисках приняли участие все жители Сосновки, весь персонал санатория. Мне даже помогали мои друзья-вертолетчики. Но Чижика никто не нашел. И я понял, что он никогда не вернется.

А потом я словно одеревенел. Я часами лежал на диване, и моя голова была совсем пуста. Именно теперь я должен был принять какое-то решение. Потому поклялся, что если Чижик вернется, то никогда отсюда не уеду. С его уходом я остался совсем один. Это были дни, словно после похорон. А мне так нужны были силы, чтобы жить дальше. Но сил не было. И я понял, что у меня остался лишь один выход. Тем более, это решение созрело еще прошлым летом. Когда я впервые предал Чижика. И теперь его уход открыл все двери в большой мир. Хотя я

уже туда не хотел. Но и остаться тоже не мог. Если бы только Чижик вернулся... Я решил ждать еще месяц. Предупредил о своем увольнении начальство, чтобы успели подыскать замену. И часами валялся на койке. Мне не хотелось даже бродить по лесу. Мне казалось, что я стал всем чужим. И все стало для меня чужое.

Поначалу меня пытались утешить, поддержать. Пришел как-то доктор Кнутов. И я, нехотя поднявшись с дивана, пожал ему руку.

– Извините, Андрей Леонидович, но ничем не могу угостить. Я болен.

– Говорят, вы уезжаете.

– Говорят... Но это лишь разговоры. – Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы знали о моем отъезде. Мне этот отъезд напоминал побег.

– Вы совершаете ошибку. Впрочем, не мне об этом судить. И все же... Никогда не спешите. Уехать вы всегда сможете. Уехать легко, вернуться гораздо сложнее. Как говорится, лес к селу крест, а безлесье неугоже поместье. Вы не выживете в безлесье. Это не про вас.

– Я никуда не уезжаю. Я болен.

– Да, я вижу.

Вид у меня действительно был неважный, хотя я чувствовал себя абсолютно здоровым. Я просто постарел – в один миг.

– Может, нужна моя помощь, лекарства? – Доктор сделал еще один шаг навстречу.

– Нет, спасибо, я лечусь народными средствами, у меня все есть.

– Но тогда, может быть, вам бы помогла Валя? – Кнутов сделал последнюю попытку меня спасти.

– Валенок очень хороший человек, но и она не может помочь, извините.

И доктор Кнутов ушел. Пожалуй, он даже не обиделся за такое гостеприимство. Слишком у меня был жалкий вид, чтобы обижаться. Но больше он не приходил. Отлично поняв, что я никого не хочу видеть.

Вот Мишка это понял не сразу. Он навязчиво пытался помочь своему старшему другу вернуться к жизни. А однажды даже выпалил с порога:

– Данька! Хорошая новость! Наша Ласка родила пять щенят! Такие хорошенькие! Все рыжие, с черными лапками! Пошли, посмотрим!

– Мишка, мне не нужны щенята, – процедил я сквозь зубы. И посмотрел на него так, что он попятился.

– Ну, тогда... Не уезжай, Данька, может, Чижик еще вернется... А если нет... Не переживай так, Данька. Он был такой старый. Он, наверно, специально ушел от тебя, чтобы умереть в другом месте. Ну, в общем, пожалел тебя... А у нашей Ласки щенята такие хорошенькие, пушистые, как меховые клубочки...

– Ты уходи лучше, Мишка, пожалуйста, уходи, – прохрипел я. – Мне никто не нужен, черт побери! Ни твоя Ласка! Ни ее щенки! Ни ты! Ни Чижик! Оставьте меня, ради бога, в покое!

– Ну гляди, Данька, лес по дереву не тужит. И без тебя проживем. А вот ты...

Я медленно поднял на Мишку тяжелый, одеревеневший взгляд. И крепко, до боли сжал кулаки. Мишка наконец все понял. И оставил меня в покое.

Он тоже больше не пришел. И я чувствовал, как круг одиночества замыкается. И скоро, совсем скоро я буду зажат в его безжалостные тиски. Впрочем, возможно, я подсознательно этого и хотел, не оставляя выбора. И сам загонял себя в угол. Чтобы, один раз умерев, наконец-то решиться жить снова.

Однажды ко мне пришла Валька. Я не мог с ней вести себя так холодно, как с Кнутовым, и так бесцеремонно, как с Мишкой. Перед Валькой я был виноват. И не мог грубить с девушке, которая меня так сильно любила. И возможно, будет любить еще очень долго.

– Привет, Валенок! – Я рукой пригладил свои слипшиеся, спутанные волосы.

Валька огляделась и села на излюбленное место, в уголок дивана, поджав ноги под себя. Я вспомнил, как Чижик радостно встречал ее и лизал ноги, а потом прыгал на диван и клал свою узкую рыжую морду на ее голые коленки. И поморщился от внезапно нахлынувших воспоминаний, как от банальной зубной боли. «Все-таки как примитивен человек. В зубном кабинете он так же страдает, как и от потери близких», – совсем некстати подумал я. И все же мне гораздо больше хотелось оказаться сейчас в зубном кабинете.

Валька огляделась.

– Грустно ты живешь, Данька.

Я промолчал. И, собравшись силами, стал готовить чай. Грязный, заржавевший чайник недовольно запыхтел на плите. Валька оставалась единственным человеком, кто меня еще любил. И эта любовь меня не отпускала и не давала умереть, чтобы начать новую жизнь.

– Ты думаешь, тебе где-то будет лучше? – Валька почесала локоть, измазанный зеленкой.

– Опять ты за старое, – пожурил я ее, как прежде. – Все по деревьям лазишь?

– Не-а, это я Чижика искала и свалилась в канаву.

Я застыл с чашками на середине комнаты. Мои руки предательски дрогнули, и горячие капли пролились на пол.

– Не ищи его больше, Валенок. Не ищи.

– Я найду его, точно найду, – пообещала Валька. – Живого или мертвого, но найду.

– Мне не нужен мертвый Чижик. – Я дрожащей рукой разлил чай по чашкам, и по столу расплылась ароматная лужица.

– Тогда я найду живого! – уверенно заявила Валька.

Я сел рядом с ней и взял ее пухлые, почти детские ладошки в свои руки.

– Давай не будем об этом, Валенок. Ты очень хорошая девушка. И очень хорошенькая. Тебе обязательно нужно учиться. И тебя обязательно ждет настоящая, большая любовь.

– Учиться на артистку? – Валька прищурила свои круглые глазки.

Я резко встал и, приблизившись к окну, закурил. Мне так хотелось остаться одному.

– Данька, – тихо окликнула меня девушка. – Ты не будешь с ней счастлив, Данька. Неужели ты не понял, что она совсем другая? Это здесь она подстраивалась под тебя, под Чижика, под наш мир. А там... Там все, все по-другому. Ты там никому не нужен, Даня.

Я резко обернулся.

– Можно подумать, здесь я кому-нибудь нужен.

– А здесь об этом даже думать не нужно. Здесь ты просто можешь жить. Здесь – все твое. И деревья, и звери, и мы. И ты здесь для всех. Здесь ты счастливый, Данька. В лес шел – домой глядел, из лесу шел – в лес глядел. Здесь тебе везде было хорошо. А там... Там ты только и будешь, что на лес оглядываться. Да уже ничего не увидишь. Там ты пропадешь...

– Много ты знаешь! – раздраженно сказал я.

– Может, и не много, но знаю, – вздохнула Валька. – Может случиться так, что там тебя никто не ждет, а когда ты вернешься, и здесь ждать никто не будет.

– Мир огромен, надеюсь, в этом огромном мире и для меня есть маленькое местечко.

– Может, оно и есть. Но найдешь ли ты его? А вдруг, обойдя весь земной шар, ты окажешься на том же месте?

Валька встала и топнула ногой.

– Вот здесь. Но никому уже не будешь нужен.

– Я тогда заведу себе собаку, – горько усмехнулся я. – И назову ее Чижик.

Валька молча направилась к выходу. И я вдруг испугался, что она уйдет, а я останусь совсем один. Круг окончательно замкнется и не останется выхода. Валька была последним шансом, связывающим меня с прошлым.

– Валька, – окликнул я ее.

Она обернулась. И в ее глазах я ничего не прочел. В ее глазах была пустота. Мне даже показалось, что она меня не видит.

– Валька, ты не допила чай.

– Спасибо. Но я больше не хочу.

– На тебе новый сарафан. Он очень красивый. – Я цеплялся за последнюю соломинку. И соломинка медленно ломалась.

– Я его в городе купила. И сегодня надела впервые.

Я приблизился к ней, взял ее за плечи. И заставил смотреть в глаза.

– Валька, что с тобой, ну скажи что-нибудь, ну скажи...

Валька смотрела мне прямо в глаза и меня не видела.

– Знаешь, мне кажется, что сегодня я пришла совсем к другому человеку, совсем незнакомому. А тебя в этом доме уже давно нет. Ты словно ушел с Чижиком. И не вернулся. А главное, как и он, не хочешь возвращаться. Вы уже выбрали для себя другой путь. И вас тоже никто и ничто не может вернуть. Эх, Данечка, Данька...

Валя резко отпрянула от меня. В ее глазах по-прежнему была пустота. И я вдруг понял, что она меня разлюбила. Возможно, того, вчерашнего Даньку она еще любила. Но меня наверняка нет. Я остался совсем один. Железные тиски одиночества сжали меня окончательно. Жить здесь я больше не мог. Это была уже не моя родина, не мои друзья, не мои любимые. И вечером, наспех собравшись, забросив рюкзак за спину, украдкой покинул свой дом.

Я шел по лесной тропинке быстрым шагом, стараясь не оглянуться, чтобы не повернуть назад, чтобы не чувствовать вины перед всеми, кого я сегодня бросал. Бросал навсегда. На секунду мне показалась, что где-то совсем рядом жалобно взвыла собака.

– Чижик! – заорал я на весь лес. – Чижик! Ну же, вернись, и я никуда, клянусь, никуда не уеду!

Я вертел головой в темноте, как слепой. Но никого не видел. Я прислушался к звукам леса. Но лишь ветер заунывно выл, словно прощальный гудок парохода, который вез меня в неизвестность. Я крался по поселку, сгорбившись, словно вор, втянув голову в плечи, ускоряя и ускоряя шаг. И все же мне казалось, что изо всех окон на меня смотрят десятки укоризненных пристальных взглядов. Я не выдержал и побежал. Отчаянно, словно пытаюсь умчаться от себя, от своего прошлого, от всех, кто меня так когда-то любил здесь и кого любил я. Я чувствовал себя вором, хотя ничего не украл. Я чувствовал себя виноватым. Хотя ни в чем виноват не был. Я чувствовал себя предателем. Хотя никого не предавал. И все же я где-то совершил ошибку, если не нашел мужества попрощаться открыто и с поднятой головой покинуть эти места... Только гораздо позднее я понял, от чего так трусливо бежал. Я бежал от своей судьбы. А судьба никогда не прощает ошибок...

Часть вторая ЛИЦЕДЕЙ

Первое, что меня угнетало в большом городе, это отсутствие солнца. Хотя я приехал туда весной. Даже если оно случайно и появлялось на горизонте – как чисто физическое явление, – его все равно не было. Оно либо пряталось за небоскребами, либо дымовая завеса от заводских труб закрывала его. И если ему все же какой-то хитростью удавалось вынырнуть и спастись, это было уже не солнце. Просто казалось, что кто-то среди бела дня включил очередной фонарь или рекламная лампочка случайно оторвалась и болтается в небе на проводе.

Но если к отсутствию солнца можно было более-менее привыкнуть, то с состоянием полной ничтожности и ненужности смириться было куда труднее. Эта ненужность витала в прокуренном, пропитанном гарью воздухе. И ощущали ее не только приезжие. Ее ощущали все, даже те, кому посчастливилось здесь родиться.

Главными же гарантиями выживания в этих каменных джунглях были законченный цинизм и полный эгоизм, наплеватьство на чувства и мысли других. Это напоминало марафонский забег, где существовало незыблемое правило – не оглядываться, а только вперед, расталкивая локтями, наступая на ноги, сбивая с ног и не обращая внимания на жертвы. Если на секунду остановишься и пожалеешь упавших, другие безжалостно собьют тебя с ног.

Я так и не смог понять и принять подобные правила... Раньше думал, что сильный и неглупый мужик в любом месте сможет найти свое настоящее дело. Я был очень наивен. Эту природную наивность мегаполис исправлял буквально за пару дней. И я стал не исключением. Хотя не боялся работы и поначалу хватался за любое дело – работал грузчиком на вокзале, рабочим на стройке супермаркета, поваром в какой-то забегаловке, даже умудрился устроиться в Ботанический сад, решив быть поближе к земле. Но и это не принесло счастья. Деньги катастрофически убывали, я задолжал за квартиру и жил практически впроголодь. Там, в лесу, казалось, что я накопил много денег. Слишком много. Да и что там было нужно мне и Чижику? Здесь мне было нужно ровно столько же, но деньги на это исчезали мгновенно...

Так я оказался загнанным в угол. Возвратиться не позволяла гордость, хотя со страшной силой я тосковал по дому. Но возвращение было исключено.

Окончательно же выбило меня из седла даже не это. Однажды я решил позвонить Лиде. Я не мог позвонить ей сразу, поскольку считал, что первым делом должен твердо встать на ноги. Но когда мои иллюзии по поводу быстрого трудоустройства иссякли, а тоска и одиночество окончательно измучили, я почувствовал, что слабею. И уже не противился своей слабости. Вот тогда-то и решил позвонить. И долго придумывал, что сказать необходимо, а что необязательно.

Безусловно, я не стану жаловаться на свое безысходное положение, а то она немедленно бросится на помощь. Мне же не хотелось этого. Я просто скажу, что у меня хорошая работа, хороший заработок, но пока мы пожениться не сможем, поскольку мне еще предстоит окончательно утвердиться. Пару раз отрепетировав пламенную речь, я наконец-то собрался духом.

Прошло почти два года, как мы расстались. Конечно, многое могло измениться. Но то, что она меня любила по-прежнему, я не сомневался. Потому что забыть такую любовь за каких-то жалких два года невозможно. Напротив, она должна была лишь укрепиться, закалиться, что ли. Как у меня.

Лида сразу подняла трубку. И я не удивился. Так и должно быть. Пара лет – такой маленький срок.

– Алло, алло, – повторяла она, пока я от волнения дышал в трубку.

– Лида, – наконец тихо вымолвил я.

В трубке повисло молчание. Не хватало, чтобы она упала в обморок.

– Лидок, Лидка, Лида...

– Алло! Алло! Кто это! Я не понимаю!

Ну и связь в этих городах, словно с другим концом света разговариваешь.

– Лида, Лидок! – Я уже кричал на всякий случай в трубку. – Здравствуй, Лида!

– Кто это? – ответил более раздраженный голос. – Я не узнаю вас.

У меня неприятно засосало под ложечкой.

– Лида, это же я, Даня. Ты что, с ума сошла? Это же я!

– А, – равнодушно протянула она в ответ. – Да, да... Я, конечно, помню. Пансионат «Сосновка», кажется? Вы в командировке?

– Угу, – промычал я.

– Очень приятно. Вам, надеюсь, понравилась столица. К сожалению, не смогу с вами сейчас встретиться, у меня много съемочных дней. Но вам желаю счастливого времяпрепровождения.

– А когда? Когда, черт побери, ты сможешь со мной встретиться?!

– Когда? – в трубке послышалось искреннее изумление. – В этом году я буду отдыхать во Франции. В ваши края уже вряд ли загляну. Да и зачем?

– Действительно, зачем? – грубо ответил я. – Надеюсь, во Франции, тоже есть бородастые лесники, а то ведь поездка будет бессмысленной.

В трубке раздалась злобные отрывистые гудки, напоминающие лай москвы.

– Дура! – выругался от всей души я в лающую трубку. И схватился за голову.

Меня словно обдало холодным душем. В висках вдруг застучала прежняя, такая спасительная мысль: домой, скорее домой. Туда, где меня ждет верный друг Чижик. Туда, где сторожка утопает в сирени, по ночам поют соловьи и здоровые сильные ели шумят на ветру. Скорее домой.

Я вздрогнул и огляделся. Мне некуда идти. Меня никто не ждет. У меня больше нет дома. Лишь голые стены. Запах автомобильной гари, месиво грязи за мутным окном. И, пожалуй, впервые в жизни я заплакал. Раньше, если бы кто-то сказал, что я буду плакать, то получил бы по морде за такое предположение. А теперь я не стыдился своих слез, а даже упивался ими. Я становился достойным гражданином столицы – мнительным, сломленным, злым...

Вволю поплавав, я пошел и принял холодный душ. Словно хотел смыть с себя всю грязь города. Хотя она плохо смывалась. Но мысли более-менее стали приходить в порядок. И я даже успокоился. Каким-то неестественным показался мне этот телефонный разговор. Черт побери! Так не должно быть! Ну, понимаю, если бы она сказала: «Прости, я полюбила другого», или даже вышла замуж. Но такое напускное равнодушие, словно мы никогда не любили друг друга! В этом не было смысла. Это лишало смысла всю мою жизнь. И мой побег из дома, и мое жалкое существование здесь... Нет, тут что-то не так. Наверняка ей было просто неудобно говорить по телефону. Кто-то стоял рядом. Наверняка из-за этого она теперь мучается...

И я решил встретиться с Лидой во что бы то ни стало. Адрес мне когда-то дала Марианна Кирилловна, и я немедленно поехал туда. Еще не зная, как себя поведу, явившись непрошеным гостем в дом.

Но обстоятельства распорядились иначе. Пока я курил недалеко от ее подъезда, обдумывая предстоящий разговор, дверь широко распахнулась и оттуда выскочила шумная, пестро разодетая компания похожих друг на друга, как две капли воды, Эдиков. В центре которой шла Лида. Я, как и давным-давно, прятался за деревом и наблюдал за чужим праздником. Это была другая Лида. Там, в ветровке и джинсах, она казалась милой городской девчонкой, слегка избалованной, с распахнутыми удивленными глазами, которые, однако, с восхищением глядели на зеленый обветренный мой мир. Теперь я наблюдал довольно вульгарную девицу в длинном блестящем платье, поверх которого было наброшено меховое манто. Яркоakra-

шенную, с сигаретой в губах, хихикающую на пошлости клиповых героев... Боже, это ведь ради нее я перечеркнул свою жизнь. Мой побег уже не казался опрометчивым, сумасбродным, отчаянным, а выглядел просто глупым и почти комичным. Таким, что мне самому невольно захотелось расхохотаться во весь голос. Боже, из-за каких пустяков мы готовы ломать судьбу?!

Эдики галантно распахнули дверцу серебристой «вольво» перед Лидой, но я успел схватить девушку за плечо. Лида вскрикнула и оглянулась. Вид у меня был не очень. Обросший, лохматый, в помятой ветровке и резиновых сапогах, я, наверное, произвел на окружающих не самое приятное впечатление. Они не на шутку испугались, приняв меня за бандита или хулигана, и тут же стали отступать. Оставив красавицу наедине с чудовищем. Я бесцеремонно взял ее за руку.

– Нужно поговорить, – отрезал я, сверкнув на нее таким злобным взглядом, что она испугалась. И лишь попросила своих трусливых спутников:

– Подождите, не уезжайте. Я сейчас.

Эдики забрались в машину, захлопнули двери, закрыли окна и отъехали в сторону. Они напоминали килек в консервной банке, правда, уже с изрядным душком.

– Ну, чего тебе? – Лида скривила ярко накрашенные губы. Она уже меня не боялась. Потому что вспомнила, что меня бояться не надо.

Я решил идти до конца, ведь пока любил ее.

– Знаешь, я все бросил ради тебя. И свой дом, и свой лес, и даже свою собаку.

Лида с искренним недоумением смотрела на меня.

– Ты сумасшедший. Какая глупость, более того – тупость. Зачем?

– Ты говорила, что любишь...

Она расхохоталась и покрутила пальцем у виска.

– Так все говорят, когда заводят интрижку. Других слов еще не придумали. А пошлости говорить неудобно. Боже, какой ты дурак. Такой большой – и такой дурак.

– Я ничего, ничего не понимаю! В конце концов, ты же могла тогда быть с Эдиком! Он и красивый, и не дурак!

– Да у меня здесь знаешь сколько Эдигов?! – Лида кивнула на машину, набитую Эдиками. – А там – лес, запах смолы, озеро в кувшинках, ты, как лесной зверь, такой сильный и большой. Какие, к черту, Эдики на свежем воздухе!

Я с откровенным презрением взглянул на нее.

– Лепила факты творческой биографии?

Она пожала плечами.

– Ну и что? Ни у одной моей подружки не было в любовниках лесника.

Я едва не удержался, чтобы не залепить ей пощечину. Она, такая красивая, юная, стояла передо мной, а я любовался ее голыми плечами, выглядывающими из-под съехавшего мехового манто, выпирающими ключицами, облегающим тонким платьем, длинными пышными волосами. Я изо всей силы пытался любить ее, чтобы как-то оправдать свое пребывание здесь. И сделал еще один шаг навстречу.

– А как же три листочка на мертвом дубе? Они для тебя ничего не значат?

Лида искренне расхохоталась.

– Неужели ты меня принимал за идиотку? Нет, ты и впрямь дурак. Я же прекрасно знала, что ты прицепил их ранним утром специально для меня. Мне Эдик об этом сказал, он сам видел во время утренней пробежки.

– Но почему? Почему ты мне не сказала об этом?

– Господи! – Лида всплеснула руками, унизанными золотыми кольцами. – Ну это же правила игры! Всего лишь! А твои листочки – часть декорации, а наши пламенные слова о любви – сценические диалоги. Неужели непонятно? Хотя, конечно, я не была к тебе равнодушной. Я так просто не могу... Я же не какая-нибудь...

– Именно – какая-нибудь. Точнее – никакая. Я выбрал ничто и в ничто приехал. Так мне и надо.

Лида даже не обиделась. Она по-прежнему недоуменно смотрела на меня. А какой умной мне она казалась там, в лесу!

– Знаешь, поезжай-ка ты домой. Да и своего Чижика ты бросил зря. Возвращайся.

Из машины раздалось нетерпеливое покашливание. Лиде стало неудобно, и она бросила взгляд на мои резиновые грязные сапоги.

– Ну, мне пора! – Она поежилась. – В общем, не принимай все близко к сердцу. Здесь так не принято. Сердца может надолго не хватить.

– Если здесь вообще принято иметь сердца, – усмехнулся я. И осторожно прикоснулся к меховому манто. – Кто это?

– Норка серебристая, – с гордостью ответила Лида. Она даже распрямила плечи. Она вновь осознала свою цену. – Красиво, правда?

Я вновь погладил мягкий мех. Мне показалось, что мои руки прикасались к безжизненному пушистому телу.

– Семейство кунных. Высота тела до 45 сантиметров, длина хвоста до 20. Ценный объект пушного промысла.

– Я не понимаю, – Лида с испугом отпрянула от меня.

– Выделанная шкурка с сохранением волосяного покрова путем жирования.

– Путем чего? – прохрипела она дрожащими губами.

– Жирования, кода в кожу жирующих материалов вводят животные и растительные жиры для придания водостойкости, мягкости и эластичности, – завершил я. И добил слоганом из увиденной недавно в вагоне метро рекламы некоей организации защиты животных: – А смогли бы вы взглянуть в глаза этим животным?...

Лида смотрела на меня как на сумасшедшего. Я, впрочем, ничем от такового не отличался – горящий взгляд в темноте сверкал, губы скривились в презрительной усмешке.

– Все мертвое. Все. И норка, и ваши дома, улицы, и ваше солнце, и Эдики, и ты... Ты особенно, если такое возможно... Я приехал в мертвый город. К мертвым людям. И к мертвой любви. Я по доброй воле закопал себя вместе с вами...

Лида не выдержала и бросилась прочь. Она бежала по мостовой, стуча каблуками. В ночной тишине этот стук напоминал удары сердца на электрокардиографе. Она подвернула ногу, сбросила одну туфлю и все быстрее и быстрее ковыляла к машине. И сердце уже отсчитывало неравномерные удары, как больное. Впрочем, в этом городе не принято иметь сердца. Только возможен вот такой стук каблуков, имитирующих его удары.

Машина резко сорвалась с места и промчалась мимо меня. Как взбесившийся конь, уносящий в ночь наездника, который на полпути непременно сорвется в пропасть.

На следующий день я взял расчет в администрации Ботанического сада. Меня уже не беспокоила жизнь растений в оранжереях, их селекция и генетика. Мне нужно было серьезно подумать, как быть дальше. Жизнь неумолимо проводила свой естественный отбор. И похоже, как и некоторые растения и животные, я оказался непригодным. Не прошел тесты на стойкость, устойчивость и приспособленность. С квартиры меня уже гнали за неуплату. И одной ногой я уже стоял на улице.

Теперь я брел по вечернему городу, месил грязь под ногами и вспоминал свое прошлое, такое чистое и свежее, как родниковая вода на пригорке у сторожки. Вспоминал со всеми мельчайшими подробностями, до сегодняшнего дня, который ненавидел, до последней минуты, в которой кое-как жил.

В кармане лежали скомканные деньги – ими со мной рассчитался Ботанический сад. Впрочем, их не хватало, чтобы уплатить за квартиру. Но было достаточно, чтобы напиться. И хотя бы на вечер забыть о прошлом, настоящем и о том, чего никогда не будет.

Так я забрел в маленький тихий кабачок на углу многолюдного проспекта и примостился у самого крайнего столика. Мне уже принесли вторую бутылку вина, но голова по-прежнему оставалась ясной, словно я вообще не пригубил ни капли. Впрочем, у меня почти никогда не получалось напиться, хотя и пил-то я мало. А если такое внезапно случалось, то я все равно никогда не пьянел, благодаря здоровому образу жизни, который вел на природе. И хотя я уже пару месяцев существовал в совершенно ином экологическом и духовном пространстве, природный иммунитет сохранить удалось. И я трезвым взглядом созерцал картину пьяного вечера. Слушал возбужденные речи о неудачной жизни и позвякивание рюмок, видел нервные жесты и красные лица. И искренне радовался, что пью один. Пожалуй, даже пьяный я не смог бы рассказывать кому-то свою жизнь. Я мог ее только поминать добрым словом и рюмкой тепловатого недорогого вина. В одиночку.

Не знаю почему, но вдруг я обернулся. Может быть, от нечего делать, а может, физически почувствовал на спине чей-то пристальный взгляд. Мужчина за соседним столиком в упор разглядывал меня так, как, пожалуй, минутой раньше мою спину. Он тоже пил в одиночку, но, в отличие от меня, уже был изрядно пьян, хотя бутылок перед ним стояло не больше.

С не меньшим интересом я посмотрел на него и, резко повернувшись, вновь налил себе рюмку. Одного секундного взгляда было достаточно, чтобы понять, что этого человека я знаю. Более того, мне даже показалось, что я с ним очень близко знаком. «Но этого не может быть!» – пробормотал я себе под нос. Похоже, вино все-таки возымело свое действие. Хотя я готов был дать руку на отсечение, что мы раньше встречались. Но как и где? На лесной тропе его встретить я точно не мог. А здесь никого вообще практически не знал, разве что парочку рабочих-грузчиков, парочку поваров, нескольких работниц из Ботанического, одного ученого и одну квартирную хозяйку. На этом, пожалуй, статистика моих столичных знакомств заканчивалась. К тому же мужчина – явно из другого круга, в который я не был вхож и наверняка уже никогда не буду. Даже странно, что он пьет в одиночку в такой сомнительной забегаловке. Дорогой белый костюм, черная широкополая шляпа, серый блестящий галстук. Этаким денди, случайно завернувшийся не на ту улочку и попавший не в тот ресторан. Но лицо... Господи, где я мог видеть это лицо? Эти черные глубокие глаза, эти широкие скулы, этот прямой нос и слегка выдающийся вперед подбородок. Может, он отдыхал в нашем пансионате? Нет, нет – категорично покачал головой я сам себе. Я вновь налил себе рюмку и залпом выпил, словно надеялся избавиться от назойливых воспоминаний. Или, напротив, все вспомнить в один миг с одним глотком теплого вина. Но так и не вспомнил. А мужчина продолжал сверлить мою спину взглядом. Я расстегнул куртку, хотя в кабачке было довольно холодно, к тому же из окна прямо в лицо дул пронзительный весенний ветер... Я полез в карман и нащупал там две последние десятки. Что ж, пора, пора. Ничто не способно так быстро выгнать из кабака, как деньги. Вернее, их отсутствие. Столько потратил, чтобы забыть и забыться! И все без толку. От воспоминаний никогда не откупиться. Равно как и не выкупить прошлое.

Я наглухо застегнул ветровку, набросил на голову капюшон и вдруг заметил, как мимо меня, слегка пошатываясь, прошел тот мужчина в белом костюме и черной шляпе. Решив немного подождать, пока он уйдет, я наполнил рюмку оставшимся вином. Не знаю почему, но выходить одновременно с ним мне не хотелось. Хотя мы и были одного роста, рядом с ним я вдруг почувствовал себя каким-то лилипутом. Черт побери, вот еще одна черта, формируемая мегаполисом, – комплексы по поводу собственной несостоятельности. Там, на природе, у меня и мысли бы такой не возникло. И высокие сосны, и кривые маленькие кустики, и уродливые жучки, и красивые птицы, и я – мы все были частью одного мира. Находясь под одним небом,

мы дополняли друг друга и друг друга любили. Боже, что со мной сделали?! Вернее, что я позволил сделать с собой?...

Я медленно поднялся, закурил папиросу и огляделся. Кафе было совершенно пустое. Я был последним посетителем. На спинке стула у столика, за которым сидел неизвестный наблюдатель, лежало темно-синее дорогое пальто.

– Вот шляпа! – раздраженно выдохнул я и, схватив пальто, выскочил на улицу.

Я бегал взад-вперед, разыскивая человека в белом костюме, расспрашивал прохожих, но все безрезультатно. Разве можно разыскать иголку в стоге сена? Он растворился в толпе или, скорее всего, умчался на шикарном автомобиле. И мне ничего не оставалось, как вернуться и оставить пальто в кафе. Но кабачок к моему приходу уже закрылся. Я растерянно стоял на углу проспекта возле забегаловки с круглыми окнами, напоминающими пустые глаза. И озирался по сторонам – вдруг человек в белом костюме вернется? Но он не вернулся.

Потеряв всякую надежду, я понуро побрел домой. В конце концов, отдать хорошую вещь никогда не поздно. Потерянному обрадуются в любое время суток. И я решил подождать до утра.

Дома было очень холодно. Отопление уже отключили по случаю прихода весны. Хотя весна так и не наступила. Я сидел в комнате на тахте и при свете маленькой тусклой лампочки прикуривал одну папиросу от другой. Завтра должна явиться квартирная хозяйка, а в моем кармане валялись всего две помятые десятки. И я размышлял, какой бы найти веский предлог, чтобы еще на неделю задержаться здесь. Но ничего стоящего придумать не мог. От холода я накинул пальто незнакомца. Оно было теплое и мягкое. Я взглянул в зеркало. Пальто было впору, словно по мне шито. И вообще могло быть к лицу, если бы не лицо. Заросшее черной бородой, хмурое, с синяками под глазами и со взлохмаченными длинными волосами. Да, моя физиономия оставляла желать лучшего.

Я опустил озябшие руки в карманы, и по телу пробежала нервная дрожь. В одном из карманов оказалось кожаное портмоне, а в другом – нераспечатанная пачка «Парламента». Я бросил портмоне на диван, подальше от искушения. Оно было чужое. Но сигарету взял с чистой совестью и закурил. Нет, я должен заглянуть в бумажник, в конце концов, там, возможно, есть визитная карточка знакомого незнакомца. Что может упростить дело. Я даже сейчас мог бы позвонить ему и успокоить. Ведь он наверняка волнуется из-за потери.

Более не раздумывая, я заглянул в чужой бумажник. Итак, паспорт и деньги – целая пачка долларов. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Я пересчитывал сотенные купюры и в конце концов сбился со счета. Руки слегка дрожали, мысли путались. А ведь раньше я был так равнодушен к деньгам. Нет, я и сейчас к ним равнодушен. Но когда одной ногой оказываешься на улице, да еще в такой холод, да еще с дырами в кармане... Стоп. Я не имею права себя жалеть. Жалость – плохой попутчик, который может завести не на ту дорожку. И последний кров неудачников.

Я небрежно бросил деньги на тахту и открыл паспорт. Это он, только без шляпы. Стриженный налысо, по последней моде. И в том же белом костюме. Неглинов Ростислав Евгеньевич. Это имя мне ни о чем не говорило. На год старше меня. И его адрес... Сегодня уже поздно ехать к нему даже с добрыми новостями. А телефон в паспорте не указывают. Так что остается подождать утра. Под кожаной обложкой паспорта я нащупал несколько чужих визиток. Как положено – фамилии, телефоны каких-то фирм, продюсеров. Но не звонить же сейчас незнакомым людям, требуя номер телефона Неглинова. Ничего, подождет до утра. Подождет. Не раздеваясь, я устало рухнул на тахту и заснул как мертвый. Чтобы завтра родиться вновь.

Утром меня разбудил настойчивый звонок в дверь, звук которого напоминал бормашину. Я поморщился, машинально схватившись за щеку, словно у меня разболелся зуб.

На пороге стояла квартирная хозяйка, вызывающе оперев руки в бока.

– Так-так, – она презрительно оглядела меня с ног до головы. – Говорили же мне, дуре, – не сдавай комнаты этим лимитчикам! Понаехали в столицу, окаянные! Житья от вас нету! Коренному москвичу и пройти негде!

Я ответил ей не менее презрительным взглядом. Это она-то коренная! Кому бы рассказывала! Человек неопределенного возраста с неопределенным расплывшимся лицом. Можно дать и тридцать пять, а можно – и все пятьдесят. Словно вылепленная из теста, и то плохим пекарем.

– Что-то не встречал коренных с волжским акцентом, – огрызнулся я.

Она задохнулась, не находя слов, и замахала толстыми руками, как крыльями, сделанными из некачественного папье-маше.

– Если... Если вы мне сейчас же не заплатите, я напущу на вас милицию! И так за два месяца задолжали!

– Ага, напустите. И милиция сейчас же бросится на меня, делать ей больше нечего. К тому же я скажу, что вы моя давняя знакомая, задолжали мне деньги, а теперь пытаетесь выкрутиться. Конечно, если дождусь милиции. Скорее всего, меня через пять минут уже здесь не будет. Вот так, милая. Кстати, вы читали «Преступление и наказание»? Помните, что случилось со старухой-процентщицей?

Хозяйка изменилась в лице, ее словно перекосило, и она медленно попятилась к двери. А я так же медленно на нее наступал.

Стоп, Данька. Я резко остановился и перевел дух. Вообще-то мне давно уже казалось, что это не я. Говорю не своими фразами и думаю не своими мыслями. Я же совсем другой, совсем – рожденный на свежем воздухе, влюбленный в природу, закаленный ветром, у меня здоровое тело и здоровые мысли. Как редко я стал об этом вспоминать. Стоп, Данька, стоп.

– Да пошутил я, чего вы так перепугались, – я махнул рукой. И словно в знак прощения вытащил из бумажника несколько сто долларовых бумажек. – Так сколько, говорите, я вам должен?

Старуха-процентщица от удивления проглотила язык. И вмиг перестала меня бояться. А лишь жадным взглядом смотрела, как я кладу назад в бумажник пачку денег. Наконец, придя в себя, она дрожащим голосом назвала сумму. Но никакой страх не помешал ей вовремя сориентироваться и назвать гораздо большую сумму долга. Я не стал торговаться и молча протянул ей деньги. Потом вытащил еще.

– А это я мог бы заплатить за два месяца вперед. Да вряд ли мне понадобится эта ночлежка, – я помахал пачкой зелененьких перед картофельным носом хозяйки и тут же спрятал.

– Спа-спа-спасибо, – пролепетала она, проглотив слюну, и, раскрасневшись, как помидор, тут же дрожащими руками сунула квартплату в цветную сумку. Словно я мог передумать и забрать деньги назад. – А вы зря меня обижаете, называете мой уютный домик ночлежкой. Живите тут, ради бога, я-то что? Сразу видно, вы человек хороший, благородный, не какой-нибудь там... Надеюсь, вам удобно, если хотите, я могу тумбочку принести.

Она, видимо, собиралась рассыпаться в любезностях еще долго, и я ее перебил:

– Ничего мне не нужно. А что нужно – куплю. Мы с вами рассчитались, и в вашем благородном притоне мне теперь делать нечего. А там будет видно...

– Ага, видно. Ну да, конечно, вы теперь человек солидный...

Как можно любезнее я выпроводил ее за дверь.

Теперь мне нужно было все хорошенько обдумать и взвесить. Я предчувствовал новый поворот в судьбе. Только что будет за этим поворотом, знать не мог. Да пока и не хотел. Но главное – я смог рассчитаться за квартиру. Правда, чужими деньгами. Но парень, видно, богатый и, как мне показалось, не жлоб. Хотя и денди. Возможно, я смогу с ним договориться. В конце концов, денежные знаки тоже могут быть знаками судьбы. Как это ни прозаично звучит.

Но, чтобы договориться, мне придется одолжить у этого парня еще сотню-другую. Семь бед – один ответ.

Потому, быстро собрав немногочисленные вещи и долго не раздумывая, я выскочил на улицу. Какое счастливое совпадение – вслед за мной выскочило и солнце. Сегодня началась весна, которую я так долго ждал. Разве это тоже – не знак судьбы? Только более поэтичный. И на душе у меня стало легче.

Вскоре я уверенно шагал по городу, перебросив через плечо чужое пальто и торжественно держа в руках широкополую шляпу. Это был я, Даня из Сосновки, но сам себя вряд ли бы узнал, если бы случайно столкнулся на улице. Я заглянул в зеркальную витрину супермаркета. Там отразился чужой человек, кого-то сильно напоминающий. Красивый, уверенный в себе. Дорогой светлый костюм, черная рубашка, серебристый галстук. Бритое гладкое лицо и бритая голова – по последней моде. Конечно, я нахально содрал стиль у вчерашнего незнакомца, лицо которого мне показалось до боли знакомым, но так и не вспомнил, где с ним встречался. Сам я не умел одеваться, и поэтому копирование чужого образа было вполне оправданно. Тем более для парня из лесного поселка.

Я шел по адресу, указанному в чужом паспорте. Но там никого не оказалось, и это меня несколько озадачило. Нет, мне сейчас же нужно все вернуть. Не хватало, чтобы меня начала искать милиция. Я вытащил первую попавшуюся визитку и внимательно вчитался в нее. Разыскав таксофон, набрал номер. Женский мягкий голос ответил, что Ростислава Неглинова ждут с минуту на минуту.

– Извините, мы договорились с ним встретиться, вы не подскажете, как мне к вам добраться? – Я говорил весьма любезно, как и требовал мой костюм.

Через полчаса я был на месте. Безусловно, киностудия. Где еще может работать парень с таким выразительным лицом? И как я сразу не догадался, что видел его по телевизору?! Я подошел к бюро пропусков, раздумывая, кто бы мне мог выписать пропуск. Хотя, зачем? Неглинов сам спустится за бумажником, стоит лишь позвонить. И едва набрав номер, я почувствовал сильный хлопок по плечу.

– Ну ты, Ростик, и сволочь порядочная! Задержал съемки на полчаса, а мне, между прочим, потом выплачивать неустойку! Вот скотина, опять, что ли, запил?...

Я оглянулся, пытаюсь что-либо возразить. Но толстый маленький человек с залысиной на макушке не дал и рта раскрыть. Он потащил меня за руку, по пути изливая поток брани.

– Да, выглядишь неважно, но, слава богу, хоть трезвый, скотина! Такие бабки не каждый день в лапы текут. Да еще на халяву! Подумаешь, выдавить пару фраз... Между прочим, я тебя, чертяка, пристроил, так ты еще и подводишь друга, подлюга! Кстати, костюмчик – отпад! – Лысый бесцеремонно пощупал светлую ткань уже в лифте, уносящем нас куда-то наверх. – Может, в нем и снимем твою наглую рожу, а? (Он тоненько захихикал.) И дешевле обойдется, на фига нам еще платить за прокат всякого тряпья, а? Ну чего язык проглотил? От пьянки очухаться никак не можешь?...

Меня определенно путали с актером Неглиновым... И тут меня осенило! Вот почему мне до боли знакомым показалось его лицо, хотя я с ним знаком не был!

Лифт плавно затормозил. И мне показалось, что я стал ближе к небесам. Особенно тогда, когда на меня, уже загримированного и отутюженного, навели юпитеры, и они ударили мощным световым потоком в лицо. Мне показалось, что я на исповеди у Всевышнего, но – на электрическом стуле. Правда, очень скоро мои иллюзии растворились в огромном загроможденном пространстве, среди непонятной аппаратуры и галдящей, как на базаре, толпы. Я просто внимательно прочитал текст, который нужно произнести.

– Ну же, Ростик, поехали! – закричал лысый, имени которого я так и не узнал.

И я пробормотал что-то типа того, что если вы не купите банку этого замечательного кофе, то вся ваша жалкая жизнь покатится к черту. От вас отвернутся все родные и близкие.

У вас не случится любовь. И т. д. При этом мне нужно было давиться какой-то коричневой бурдой. Наконец я не выдержал и, вскочив с места, послал всех, включая кофе, к черту.

– Сам ты пошел к черту! – заорал лысый, силой усаживая меня на место. – Где твоя хваленая дикция, где твоя наглая ухмылка, от которой сходят с ума все бабы, где твои эстетские жесты?!

Меня уже мутило от кофе, и я резко поднялся с электрического стула.

– Все! Хватит! – отрезал решительно я.

И тут же собрался силами, чтобы наконец все объяснить. Что я такой же Ростик, как лысый – Аллен Делон, что я жду настоящего Ростислава Неглинова по важному делу и куда, в конце концов, он запропастился?! Но Лысый не дал мне и рта раскрыть:

– Вот, Ростик, вот! Прекрасно! Давай в том же духе. Ух, какой решительный взгляд, да после такого взгляда я и сам бы проглотил с пол-литра этого пойла. Давай, Ростик! За пару тысяч баксов состряпать такую чушь!

У меня перехватило дыхание. За пару тысяч баксов! Действительно, можно сделать любую белиберду... Через полчаса реклама кофе была снята, со мной в главной роли. Ростислав так и не появился. Я стал нервничать. Взял чужие деньги, чужое пальто, теперь еще чужую роль. Это не к добру. Нет, я смогу ему все объяснить. Более того, я готов отдать все эти деньги Ростиславу, разве что оставлю себе немного на первое время. В конце концов, не все ли равно, кто снялся в этой пошлой рекламе? Я, к тому же, старался.

Наконец, решив незаметно смыться, пока не разоблачили, я двинулся к выходу. Но с лысым этот номер не прошел. Он вцепился в меня мертвой хваткой и настойчиво потребовал пропустить по рюмочке. Слава богу, я мимоходом узнал, что лысый – режиссер клипов и реклам, а зовут его Лютик, от звучного имени Люциан.

Мы сидели в маленьком уютном кафе киностудии. Я нетерпеливо поглядывал на часы. В кафе было мало народу, но благодаря Лютику казалось, что оно переполнено. Он орал во весь голос, размахивал руками, видимо, стараясь привлечь к себе внимание. Мне же внимание окружающих в данный момент было нужно меньше всего.

– Ну, Ростя, я чертовски рад, что ты наконец-то приходишь в норму! – Лютик залпом выпил уже третью рюмку. – Мы теперь свернем горы! Да ты верь мне, чудище, верь! Я парень не промах, ты знаешь! Сейчас в каком-нибудь сериальчике подсуетимся! Не нужен нам берег далекий, Бразилия нам не нужна! – гнусаво пропел Лютик, перефразируя известную песню. – Наше кино, оно роднее! Выгорит, я уверен! Ты только не пропадай! А то тоже выдумал! Руки на себя наложить! Да кто сейчас на себя руки-то накладывает! Скорее уж на другого!

Я молча выпил за здоровье Ростика. Оказывается, этот парень хотел покончить с собой. Еще не хватало впутаться в криминальную историю. Надеюсь, он жив и здоров. И я еще раз, на всякий случай, осушил рюмку за его благополучную жизнь.

– Нет, ну сам посуди! – не унимался Лютик. – При твоей-то внешности! Бабы от тебя млеют! Ну подумаешь, от тебя ушла Вика! Так вернется! Уж я-то уверен, что она от тебя без ума. А не вернется – черт с ней! Если честно, она мне не очень-то нравилась. Слишком умная. А на черта тебе умные бабы! Они принижают нас как-то, согласен? Ты даже ей и прихвастнуть не мог, все просекала, чертовка! А где ей было выдержать твой темп жизни! Кто она вообще такая? А ты... Ты человек из богемы! Тебе понимание нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.